

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВ:
ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ
РУССКОГО НАРОДА

Н. Н. Алексеев¹, Н. А. Дмитриева²

Статья Николая Николаевича Алексеева написана в эмиграции и принадлежит евразийскому периоду его философского творчества. В ней используются идеи, которые были разработаны в статьях 1927 г., опубликованных в журнале «Путь. Орган русской религиозной мысли». Опираясь на исследования русских историков XIX – начала XX в., Алексеев показывает, как формировались в народе взгляды на государственную власть и фигуру правителя. С его точки зрения, налицо уникальное сочетание приверженности народа к абсолютистской монархической форме правления, с одной стороны, и предпочтения анархического принципа организации общества – с другой.

Ключевые слова: русское неокантианство, евразийство, русское зарубежье, политический идеал, абсолютная монархия, Иосиф Волоцкий, Иван Грозный, патриарх Никон, казачество, сектантство

Ни в одной западноевропейской стране мы не встретим такого явления, которое еще недавно наблюдалось в России: глубокий разрыв между духовной жизнью высших классов и духовной жизнью широких масс народа. Со времен Петра Великого образованные сословия жили духовными интересами западноевропейского культурного мира, не только стремясь во всем подражать Западу, но и свое-

¹ Берлин, Германия.

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.

Поступила в редакцию: 20.08.2025 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2025-4-7

Перевод выполнен с разрешения редакции журнала «Osteuropa» (Берлин) по изданию: (Алехеjew, 1931). Все примечания принадлежат переводчику. Сохранен курсив автора.

NIKOLAI N. ALEKSEEV:
THE ORIGIN
OF THE RUSSIAN PEOPLE'S
POLITICAL IDEALS

N. N. Alekseev¹, N. A. Dmitrieva²

Nikolai Alekseev's article was written whilst in exile and belongs to the Eurasian period of his philosophical work. It draws on ideas developed in articles from 1926 and 1927, written for the journal "Put' [The Way]: A Journal of Russian Religious Thought". Based on the research of nineteenth- and early twentieth-century Russian historians, Alekseev demonstrates how the Russian people's views on state power and the figure of the ruler took shape. From his perspective, these views uniquely combine, on one hand, attachment to an absolutist monarchical form of government, and, on the other, a preference for an anarchic principle of social organisation.

Keywords: Russian Neo-Kantianism, Eurasianism, Russia abroad, political ideal, absolute monarchy, Joseph Volotsky, Ivan the Terrible, Patriarch Nikon, the Cossacks, sectarianism

In no Western European country do we encounter a phenomenon such as that which was still observable in Russia until recently: the deep divide between the mental life of the upper classes and that of the broad masses of the people. Since the time of Peter the Great, the educated castes had been living the mental interests of Western European culture, not only striving to emulate the West in everything, but also merging the foundations of Western culture

¹ Berlin, Germany.

² Immanuel Kant Baltic Federal University.

14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia.

Received: 20.08.2025.

doi: 10.5922/0207-6918-2025-4-7

Translated with the permission of the editorial board of the journal "Osteuropa" (Berlin) from Alexejew (1931). All notes are by the translator. Original italics are reproduced.

образно сплавления основы западной культуры с первоэлементами русского бытия. Однако русский народ продолжал жить своей собственной, во многих отношениях до сих пор не осознанной жизнью, в которой не было западных влияний и которая питалась исключительно силами русской народной души. Было бы совершенно неправильно утверждать, что русский народ лишь прозябал в полной духовной темноте или руководствовался исключительно материальными интересами. Нет, в некоторых отношениях он вел свою собственную духовную жизнь, по-своему верил в Бога, обладал собственным поэтическим искусством, даже письменной литературой, собственными моральными понятиями и глубоко укоренившимся обычным правом.

Мы должны теперь заняться очень мало освещенной стороной русской народной жизни, а именно социально-политическими идеалами и взглядами русского народа. Можно утверждать, что в становлении и развитии русской истории взаимодействовали две противоположные силы: одна по своей сути конструктивная, другая — деструктивная. Соответственно, социально-политические взгляды русского народа были либо конструктивными, то есть консервативными, либо деструктивными, то есть революционными. Эти два типа политических идей русского народа являются предметом дальнейшего исследования.

I

Краеугольным камнем истории русского государства считается идея московской абсолютистской монархии, интерпретированная Петром Великим (1682—1725)^{1*} в духе западного абсолютизма. Правда, это была древнеязыческая идея, очень близкая идее восточного абсолютизма, поскольку теория абсолютизма на Востоке^{2*} толковалась так, будто земной государственный порядок — отражение небесного. Согласно этой концепции, правитель на зем-

in a unique way with the primordial elements of Russian existence. The Russian folk, however, continued to live their own form of life, which is in some respects still not recognised to this day, untouched by Western influences and nourished solely by the forces of the Russian national soul. It would be fundamentally wrong to claim that the Russian people simply vegetated in complete intellectual darkness or were guided solely by purely material interests. No; in many respects they led their own mental life, believed in God in their own way, possessed their own poetry, even their own written literature, their own moral concepts, and a deeply rooted customary law.

We must now address the little-known side of Russian folk life, namely the socio-political ideals and views of the Russian people. It can be argued that two opposing forces have interacted in the structure and development of Russian history: one constructive, the other destructive in nature. Consequently, the socio-political views of the Russian people have been either constructive, i.e. conservative, or destructive, i.e. revolutionary. These two types of political ideas of the Russian people are the subject of the following investigation.

I

The idea of the Moscow absolutist monarchy, interpreted by Peter the Great (1682—1725)^{1*} in the spirit of Western absolutism, is regarded as a cornerstone of the history of the Russian state. Admittedly, this idea was an old pagan one — it was very close to the idea of Eastern absolutism, since the theory of absolutism was interpreted in the East^{2*} as though the earthly state order were a reflection of the heavenly one. According to this view, the ruler on earth is the bearer of divine power; at the same time, however, he is also a demonic, punishing and pardoning being, and the life and death of human beings lie in his hands;

ле — носитель божественной власти; вместе с тем он также существо демоническое, наказывающее и милующее, в руках которого находятся жизнь и смерть людей; подобно Спасителю, он может принести своим подданным небесное спасение. Одним из самых ревностных сторонников этой идеологии считался известный московский публицист Иосиф Волоцкий^{3*}.

Иосиф Волоцкий (Санин) (ум.^{4*} в 1515 г.) был заботливым хранителем церковной ортодоксии, энергичным борцом с ересями и основателем собственного учения восточного монашества. В то же время он является создателем пышного, эстетически волнующего русского церковного культа, который характерно отличает русское (православное) христианство. Иосиф Волоцкий, согласно точной характеристике, — типичный пример хозяйственного настоятеля и администратора, которому по натуре был присущ известный консерватизм. «Пусть все остается как есть, но только так, как это авторитетно признано» — это самое яркое правило его мудрости^{5*}. По его интерпретации, власть царя является эманацией божественного. «Цари и князя возведены на престол Господом Богом; поэтому царь, по своей природе, равен человеку, но что касается его власти, то она равна власти Бога»^{6*}. Главная обязанность царя состоит в заботе о нравственности своих подданных и в содействии спасению их душ. Иосиф Волоцкий даже утверждает, что московские правители сами являются богами или их сыновьями; поэтому они обязаны заботиться о спасении человеческих душ. Согласно этой точке зрения, истинная цель государства — защита православия и православного вероисповедания. Соответственно, царь должен всеми возможными и мыслимыми средствами защищать «правильную», православную веру, и для этой цели ему даже позволено применять «премудростное коварство»^{7*}. На этом основано и предложение Иосифа Волоцкого, в котором он советует московскому царю: «Еретиков должно разыски-

like the Saviour, he can bring heavenly salvation to his subjects. One of the most fervent representatives of this ideology was the well-known Moscow publicist, Joseph Volotsky.^{3*}

Joseph Volotsky (Sanin) (died^{4*} 1515) was a concerned guardian of ecclesiastical orthodoxy, an energetic fighter against heresy, and the founder of his own doctrine of Eastern monasticism. At the same time, however, he was also the founder of the opulent, aesthetically stimulating Russian church cult that characterises the uniqueness of Russian (Orthodox) Christianity. Joseph Volotsky is — according to an apt characterisation — the archetype of an economical abbot and administrator, whose inner nature was imbued with a certain conservatism. “Let things remain as they are, but only as they are authoritatively recognised” — this is the most striking rule of his wisdom.^{5*} According to his interpretation, the power of the tsar is an emanation of the divine. “The tsars and princes are placed on the throne by the dear God; therefore, the tsar, according to his nature, is equal to man, but as far as his power is concerned, it is equal to the power of God.”^{6*} The tsar’s main duty is to cultivate the morality of his subjects and to assist in the salvation of their souls. Joseph Volotsky even asserts that the rulers of Moscow are themselves gods or their sons; therefore, they have a duty to be concerned for the salvation of human souls. According to this view, the actual purpose of the state is to protect Orthodoxy and orthodox beliefs. Accordingly, the tsar must defend the “true” Orthodox faith by all possible and conceivable means; he is even permitted to use “cunning cabals”^{7*} for this purpose. This is the basis for Joseph Volotsky’s proposal, in which he leaves it up to the Moscow tsar: “Heretics are to be persecuted under all circumstances” (*inquirere*).^{8*} His followers went even further, referring to the “Spanish king” and his deeds^{9*} as an example. This doctrine thus transfers to the state the mission that the Catholic Church and the Inquisition pursued in the West.

вать всяческими стараниями» (inquirere)^{8*}. Его последователи пошли еще дальше, приведя в пример «шпанского короля» и его деяния^{9*}. Таким образом, учение это возлагает на государство ту миссию, которую на Западе выполняли католическая церковь и инквизиция. Поэтому в представлении Иосифа Волоцкого и его последователей («иосифлян») государство стоит выше церкви: «Бог передал царю власть и заботу обо всех делах, касающихся церкви и христиан»^{10*}. При этом царь приобретает все качества священного лица, подобно первосвященнику или главному представителю Небесного на Земле. Иосифляне также учили, что божеские почести надлежит воздавать не только живому царю, но и его изображениям. «Когда вносится в города царский образ, то не только простые земледельцы и ремесленники, но и воины, городские старейшины, честнейшие сановники, воеводы и синклиты встречают его с великой честью и поклоняются царскому образу как самому царю»^{11*}.

Как известно, учение Иосифа Волоцкого стало официальной идеологией московского абсолютизма XVI века. Царь Иван Грозный по-своему воспринял это учение. Логика этой доктрины четко прослеживается в его полемике с беглым русским князем Курбским, защитником интересов русского крупного землевладения. Правда, очень своеобразно и оригинально сюда добавляется идея, которую Иван Грозный привносит в миссию Московии, — идея Московии как «третьего Рима»^{12*}, уже в XV веке имевшая прототипы, в которых Москва воображалась третьим Римом — *Roma nova*^{13*}.

Следуя этой идее, *Иван IV* утверждал, что «знаки императорского величия» были вручены Иисусом Христом сначала императору Константину Великому, после него эти знаки получили его преемники, пока наконец «искра истинной веры (православия) не просияла в России»^{14*}. Поэтому Иван IV признавал законными императорами только тех, которые нес-

As such, in the eyes of Joseph Volotsky and his followers (“*Josifliane*” or “*Josephiners*”), the state ranked higher than the Church: “God gave the tsar the power and care of all things concerning the Church and Christianity.”^{10*} The tsar thus acquires all the characteristics of a sacred person, like a high priest or chief representative of the Heavens on earth. The Josephiners also taught that divine honours should be paid not only to the tsar himself, but to his images: “When an image of the tsar is carried through the streets of a city, not only the peasants and craftsmen, but also the servants, the city elders, the dignitaries, the army commanders and the councillors should greet it and offer it signs of honour, just as they would the person of the tsar.”^{11*}

It is well known that Joseph Volotsky’s teachings became the official ideology of Moscow absolutism in the sixteenth century. Tsar Ivan the Terrible adopted these teachings in his own way. The train of thought behind this doctrine is clearly evident in his polemic with the exiled Russian prince, Kurbsky, a defender of the interests of Russian large-scale landowners. However, the addition of the idea, in Ivan the Terrible’s teachings, about the mission of Muscovy is very peculiar and original — the idea of Muscovy as a “third Rome”,^{12*} which already had precursors in the fifteenth century, in which Moscow was envisaged as the third Rome — *Roma nova*.^{13*}

Following this idea, *Ivan IV* argued that “the insignia of imperial sovereignty” were first bestowed by Jesus Christ upon Emperor Constantine the Great, after whom these insignia were passed on to his successors, until finally “the spark of the true faith (Orthodoxy) flashed in Russia”.^{14*} Therefore, Ivan IV recognised as emperors by right only those who had passed on the succession from Constantine the Great to him, Ivan IV. In this sense, Ivan IV considered himself the sole ruler of the world. The idea of service to the state, already familiar in the West, remained completely foreign to him. In his view,

ли преемственность от Константина Великого к нему, Ивану IV. В этом смысле Иван IV считал себя единственным владыкой мира. Идея служения государству, уже известная на Западе, была ему совершенно чужда. По его убеждению, царь ни в коем случае не слуга, как-либо зависимый от народа, «точно староста в волости», и «архиепископ и советники в товарищах»^{15*}. Известный папский легат Антонио Поссевино описывает условия, которые он наблюдал во время своего пребывания в Москве в эпоху Ивана IV, в том смысле, что московский царь ставил себя несравненно выше остальных христианских монархов на Западе^{16*}. Когда папский легат перечислил самых известных из них, царь с презрением ответил: «Да что это за властители!»^{17*} — Иван IV полагал, что власть дана ему для достижения высших моральных и религиозных целей. Подобно Иосифу Волоцкому, он хотел бороться с «безумием злейших человек лукавых» с помощью божественного террора^{18*}.

Поскольку эта идеология возникла в образованных, интеллигентских кругах, возникает вопрос: как к ней относилось большинство народа? Отвечая на этот вопрос, можно выдвинуть предположение, что никогда бы не удалось построить такое прочное здание, каким была московская абсолютная монархия, если бы эта теория опиралась исключительно на интеллигентскую выдумку^{19*}. Для построения государственного порядка абстрактных спекуляций недостаточно, гораздо важнее, чтобы его поддерживали широкие народные массы. Следовательно, русский народ должен был почувствовать себя конгениальным политической идеологии Иосифа Волоцкого, иначе не было бы и московской монархии.

То, что московская монархия не была лишена популярности в широких народных массах, подтверждает отношение народа к царю Ивану Грозному. Истребление бояр и борьба с родовой аристократией были восприняты

the tsar was by no means a servant dependent in any way on the people, as “a village official is, with the bishops and councillors as his comrades”^{15*}. As the well-known papal legate, Antonio Possevino, describes the conditions he observed during his stay in Moscow at the time of Ivan IV, the Moscow tsar placed himself incomparably higher than other Christian monarchs in the West.^{16*} When the papal legate listed the most famous among them, the tsar replied with contempt: “What sort of rulers are they?”^{17*} Ivan IV believed that power had been given to him to fulfil higher moral and religious goals. Like Joseph Volotsky, he wanted to take up the fight against “the folly of the most wicked and cunning men”^{18*} with divine terror.

Since this ideology emerged from educated, intellectual circles, the question now arises as to how the masses felt about it. In answering this question, one can argue that it would never have been possible to build such a well-founded building as the Moscow absolute monarchy if this theory had been based solely on intelligentsia fantasy.^{19*} Abstract speculation is not enough to establish a state order; rather, it is necessary for large masses of people to commit to it. The Russian people must therefore have been congenial to Joseph Volotsky’s political ideology — otherwise, the Moscow monarchy would not have come into being.

The fact that the Moscow monarchy was not unpopular among the broad masses is confirmed by the people’s attitude towards Tsar Ivan the Terrible. The extermination of the boyars and the struggle with the hereditary nobility were perceived by the broad masses as a truly popular act. “Better a strict tsar than the reign of the many boyars,” says a popular proverb. “Strict reign is better than interregnum.” As Russian literature has often pointed out, the people have forgotten most of the tsars in their songs and legends, but they have remembered Ivan the Terrible, mainly for the lighter sides of his character.

широкими народными массами как истинно народное дело. «Лучше грозный царь, чем семибоярщина», — гласит народная поговорка. «Грозное царствие лучше междуцарствия». Как не раз уже это отмечалось в русской литературе, народ в своих песнях и былинах предал забвению большинство царей, но сохранил память об Иване Грозном, причем главным образом о светлых сторонах его характера. Это показывает, что русскому народу по душе было то крайнее выражение монархической идеологии, которое олицетворено было и в личности, и в воззрениях грозного царя. Но что самое главное: русский народ в поговорках своих буквально воспроизвел теорию самодержавной монархии, как она в точном соответствии с языческими образцами сформулирована в иосифлянами и их державным учеником^{20*}.

Народные поговорки подтверждают прежде всего тезис, лежащий в основе восточного языческого абсолютизма: соответствие небесного и земного порядка. «Бог на небе, царь на земле», — гласит их мудрость. «Что Бог на небе, то на земле царь». Поэтому: «Без Бога свет не стоит, без царя земля не строится». Как и древние народы, русский народ любит уподоблять царя солнцу: «Светится одно солнце на небе, а царь русский на земле». Оттого царь и является носителем божественной воли: «Чего Бог не изволит, того и царь не изволит». «Царь повелевает, а Бог на истинный путь наставляет». «Сердце царево — в руках Божиих». «Одному Богу государь ответ держит». Здесь мы понимаем, на чем покоится неограниченная власть царя: он неограничен по близости своей к Богу, как носитель божеских предначертаний и божественной правды. «Где царь, тут и правда». «Царское осуждение бессудно, не судима воля царская». «Царь судит, как Бог на сердце ему положит». «Правда Божия, а суд царев». «Суд царев — суд Божий». Из этого следует, что носитель божественных предначертаний, существо, особо близкое к небу, не может быть иным, как стро-

This proves that the Russian people approved this most extreme expression of monarchical ideology, which was manifest in the person and views of the strict tsar. But most importantly, the Russian people literally preserved the theory of absolutism in their proverbs, as formulated in accordance with the pagan models of the Josephinians and their crowned disciple.^{20*}

The *folk proverbs* confirm, above all, the thesis underlying Oriental pagan absolutism: the concordance of the heavenly and earthly order. "God in heaven, the tsar on earth," says their wisdom. "What God is in heaven, so is the tsar on earth." Hence: "Without God, the world does not exist; without the tsar, the earth is not governed." Like the ancient peoples, the Russian people also like to compare the tsar to the sun: "A sun shines in heaven — and the Russian tsar shines on earth." That is why the tsar is also the bearer of divine will: "What God does not want, the tsar does not want either." "The tsar commands, and God points the way." "The tsar's heart is in God's hand." "The ruler is accountable only to God." From this we understand the basis of the tsar's unlimited power: he is unlimited by his closeness to God, as the bearer of divine disposition and divine truth. "The truth is also with the tsar." "The tsar's judgement is not subject to any court, the tsar's will is unchallengeable." "The truth is God's, the tsar's is judgement." "The tsar judges as God puts it in his heart." "The tsar's judgement is God's judgement." From this it is clear that the bearer of divine decrees, a being particularly close to heaven, cannot be anything other than strict and fearsome. "The tsar is not fire — but if you come too close to him, you will be scorched." "Those who are close to the tsar are close to death." Such a ruler is the mediator of divine wrath and divine mercy: "Punishment and reward belong to God and the tsar." "The tsar's resentment is a messenger of death." "There is no greater mercy than in the heart of the tsar." Therefore, the tsar is a father, a saviour

гим и внушающим страх. «Царь — не огонь, а ходя близ него, опалишься». «Близ царя — близ смерти». Такой царь есть носитель божественного гнева и божественной милости. «Карать да миловать — Богу и царю». «Царев гнев — посол смерти». «Нет больше милосердия, как в сердце царевом». Поэтому царь есть «батюшка», спаситель и хранитель. «Царь щедр — отец есть всем». «Без царя — народ сирота». «Без царя земля вдова (или: Русь вдова)». «Богом да царем Русь крепка».

Пословица есть «готовая формула нравственного поведения» первобытных народов; суть ее в том, что критерий истины усматривается не в согласии с разумом, а в принципе «исконности», в ореоле нерушимого предания, унаследованного от предков. «Пословица не даром молвится» — и не даром русский народ в пословицах своих обоготворил монархию^{21*}. Она была для него священной «с давних времен», почитание и повиновение монарху были его истинным нравственным и религиозным законом. Но народ признавал этот закон и подчинялся ему часто с горьким чувством по отношению к существующим формам государственного устройства. В русских пословицах выражается не только обожествление монархии, но и глубокий социальный протест, резкая политическая критика. Славянофилы правы, когда утверждают, что эта критика никогда не затрагивает основы монархии, а скорее приближается к ним, но боится их разрушить. «До Бога высоко, — говорит народная мудрость, — до Царя далеко»^{22*}. «Не ведает царь, что делает псарь». «Царь жалует, псарь разжалует». В этих изречениях порицается не сама монархия как институт, но ее реальные воплощения. Монарх покинул народ, как Бог покинул мир, — таковы настроения, способствующие в религиозном сознании распространению манихейского дуализма, а в политическом — развенчиванию религиозно обоснованной монархии. Иногда, впрочем, русская пословица идет и еще даль-

and a protector. “The tsar is generous — a father to all.” “Without the tsar, the people are orphaned” and “Without the tsar, the earth is widowed (or: Russia is widowed).” “Through God and the tsar, Russia is powerful.”

The proverb is “the ready-made formula for morality” of primeval peoples; its meaning sees the criterion of truth not in conformity with reason, but in the principle of “time-honoured legend”, in the aura of inviolable tradition handed down from the ancestors. “A proverb is not created in vain” — and it is not in vain that the Russian people idolised the monarchy in their proverbs.^{21*} It had been sacred to them “from time immemorial”; reverence and obedience towards the monarch were their true moral and religious law. Yet the people recognised this law and often submitted to it with a bitter feeling towards the existing forms of government. Russian proverbs express not only the deification of the monarchy, but also a deep social protest and sharp political criticism. The Slavophiles are right in asserting that this criticism never dares to touch the very foundations of the monarchy; rather, it comes close to them but shrinks from shattering them. “God is high”, says the folk wisdom, “the tsar is far.”^{22*} “The tsar knows not what the boyar does.” “The tsar shows mercy, the servant — disfavour.” These sayings do not criticise the monarchy as an institution, but rather its actual implications. The monarch has abandoned the people, just as God abandoned the world — such were the sentiments that fostered the spread of Manichaean dualism in religious consciousness and the discrediting of the religiously-founded monarchy in the political sphere. Incidentally, the Russian proverb sometimes goes even further: the people resent being entirely dependent on third, higher powers. “The soul belongs to God, the head to the tsar, and the back to the boyar.”^{23*} “Our masters, do as you please, let us even haul wood, but do not burden us too heavily.”^{24*} — The protest becomes particularly sharp when it concerns not

ше: народу не по душе, что он во всем зависит от посторонних, высших сил. «Душа — Божья, голова — царская, спина — боярская»^{23*}. «Осудари наши, воля ваша, хоть дрова на нас вози, лишь понемногу клади»^{24*}. Особенно протест этот резок тогда, когда дело идет о зависимости не от Бога и царя, а от высших классов. «Мы и в аду служить будем на бар: они будут в котле кипеть, а мы дрова подкладывать». Баре и бояре — вот корень социального зла, искажающего и природу царской власти. «Царские милости сквозь боярское сито сеются». Особенно же вредными считаются государевы слуги, служилое сословие, бюрократия. «Воевода хоть не стоит лыка, а ставь его за велика». «Помути, Господи, народ, да покорми воевод». «Бог сотворил два зла: приказного да козла». «Дерет коза лозу, а волк — козу, а мужик — волка, а поп — мужика, а попа — приказный, а приказного — черт». «Приказный за перо возьмется, у мужика мошна и борода трясется». Бичеванию подвергается продажность и своеволие царских слуг. «Вор виноват, а подьячий мошне его рад». «От черта отобьешься дубиной, а от подьячего полтиной». «С подьячим возиться — камень за пазухой держать». «Дьяк у места, что кот у теста: а дьяк на площади, то Боже пощади». Особенно же народное сознание возмущает несправедность государева суда. «Из людей не скоро праведных найдешь судей». «Суд прямой, да судья кривой». «Не бойся закона, бойся судьи». «Тот и закон, как судья знаком». «Когда рак свистнет, тогда судья решит право». «Подпись судейская, а совесть лакейская». «Бог любит праведника, а судья — ябедника». «Судьям полезно, что им в карман полезло». «Судейский карман, что поповское брюхо, что утиный зоб». «Судью подаришь, всё победишь».

Еще одним доказательством того, что идея московской монархии проникла в самые низшие слои населения, может служить уникальный в истории случай церковного раскола — того раскола в русской церкви, который

dependence on God and the tsar, but on the ruling classes. "Even in hell we shall serve the lords: they will simmer in the cauldron, whilst we pile up the firewood." The lords and the boyars are the roots of social evil, which also distorts the nature of the tsar's power. "The tsar's bounties are poured through the sieve of the boyars." The tsar's paid servants, the civil service, the bureaucracy, are regarded as particular pests. "The governor is not worth a linden bark, yet he still wishes to be highly honoured." "Confuse the people, Lord, but feed the governors." "God created two evils: the bailiff and the billy-goat." "The goat plucks the bush, the wolf the goat, the peasant the wolf, the priest the peasant, the official the priest, the devil the official." "When the official picks up his pen, the farmer's purse and beard tremble." The corruption and arbitrariness of officials are lambasted. "The thief is guilty, yet the official's purse rejoices." "The devil is warded off with a club, the official — with half a rouble." "If you have dealings with an official, put a stone in your pocket." "The official sits in his seat like a tomcat on a lump of dough; may God protect us from the official at the market." The people are particularly outraged by the injustice of the courts. "It is not easy to find just judges amongst men." "The court is just, but the judge is unjust." "Fear not the law, but fear the judges." "He finds justice in the land who is well acquainted with the judge." "When the crab whistles, the judge will pass a just judgement." "God loves the righteous, the judge the slanderer." "What jingles in their pockets benefits the judges." "He who gives gifts to the judge triumphs everywhere."

Further evidence that the idea of the Moscow monarchy had permeated the deepest strata of the population can be found in the historically unique case of the schism within the Russian Orthodox Church, which took place in the seventeenth century during the reign of Tsar Alexei Mikhailovich. The *Russian schism* refers to the separation of significant Orthodox circles from the official Church, which was based on the authority of the state.

произошел в XVII веке, во время правления царя Алексея Михайловича. Под *русским церковным расколом* понимается отделение влиятельных православных кругов от официальной церкви, опиравшейся на авторитет государства.

Тем не менее этот церковный раскол не является протестантским, «реформаторским» движением, каким его знает Запад, а, напротив, уходит корнями в глубины московского консерватизма, с точки зрения которого государство и опирающаяся на него церковь не являются законными. Это мнение отстаивал и известный лидер русских «староверов», протопоп *Аввакум* (1620–1682). По его убеждению, государство целиком предается греху; вместе с этим рушится и теория о божественном происхождении государственной власти. Во времена Петра Великого государственная власть объявляется последователями «старой» веры эманацией духа Антихриста. В народном воображении Петр Великий приобретает апокалиптические черты и рассматривается как воплощение Антихриста. Эти народные настроения блестяще описал в своем романе «Петр и Алексей» Д. С. Мережковский^{25*}.

Религиозное движение, возникшее в результате церковного раскола в XVII веке, получило название «старообрядчество». Оно представляло собой радикальную реакцию старой московской традиции на новую Россию, проникнутую западными влияниями и построенную Петром I. Со временем разрыв между правительством, а точнее, господствующей церковью и застывшим в неподвижности «старообрядчеством» становился все глубже. «Старообрядцы» замкнулись в своем ограниченном мире, который лишь частично был узаконен правительственным указом; но частично этот мир находился в духовной и даже политической оппозиции к государственному правительству. Политическую программу старого мировоззрения в резких выражениях изложил своему

Nevertheless, this schism is not a Protestant, Reformation-style movement such as those known in the West; on the contrary, it stems from the depths of Moscow conservatism, from whose perspective neither the state nor the church that relies on it are legitimate. This view was championed by the well-known leader of the Russian 'Old Believers', the protopope (archpriest) *Avvakum* (1620–1682). In his view, the state is entirely steeped in sin; thus, the theory of the divine origin of state power collapses. In the time of Peter the Great, state power was declared by the adherents of the 'old' faith to be an emanation of the spirit of the Antichrist. In the popular imagination, Peter the Great took on apocalyptic traits and was regarded as an incarnation of the Antichrist. The writer Dmitry S. Merezhkovsky brilliantly depicts these popular sentiments in his novel, *Peter and Alexei*.^{25*}

The religious movement that emerged from the schism in the seventeenth century came to be known as 'Old Belief' (*Staroobryadchestvo*). It represented the radical reaction of the old Muscovite tradition against the new, Western-influenced Russia built by Peter I. Over time, the rift between the government and the governing church on the one hand, and the 'Old Believers', who remained rigidly entrenched in their ways, on the other, grew ever deeper. The Old Believers shut themselves away in a self-contained world of their own, which was only partially legalised by government decree; in part, however, this world stood in spiritual and even political opposition to the state government. A political prisoner from the Old Believer circles described the political programme of the old faith in stark terms to his examining magistrate.^{26*} The document dates from 1855 and reads as follows: "I do not recognise Alexander II as imperator; to me, he is merely the tsar. In my opinion, the title of imperator is equivalent to the pagan gods

следственному судье^{26*} политический арестант из кругов «староверов». Документ датирован 1855 годом и гласит следующее: «Я не признаю Александра II императором; для меня он лишь царь. Титул императора, по моему мнению, равнозначен языческим богам и сатане. В государственном гербе с двухговым орлом есть что-то дьявольское. Православного царя и всю его семью я признал бы только тогда, когда бы он освободил нашу древнюю церковь от притеснений. Законы, изданные императором, я считаю ложными и незаконными; я признаю только законодательство Ивана Грозного. Но сейчас над нами нет никакой власти и никакого управления; раньше над нами были бояре и воеводы. А императорское государство — это учреждение сатаны»^{27*}. Эта программа поразительна для того времени, когда она была озвучена. Видно, что даже в середине XIX века для некоторых кругов в России суть политической программы могла быть выражена в столь лаконичной форме: православный московский царь вместо императора, церковные учреждения эпохи до патриарха Никона вместо нынешних, старое московское право вместо законов, кодифицированных во второй четверти XIX века; бояре и воеводы вместо императорских чиновников. Этот менталитет является лучшим доказательством актуальной силы старого московского мировоззрения, сохранившегося вплоть до наших дней.

II

В предыдущей главе были рассмотрены конструктивные социально-политические идеи, проявившиеся по-разному в идеологии русского народа. Теперь мы хотим попытаться описать обратную сторону, а именно — деструктивные идейные конструкции. Другими словами, мы предпримем попытку охарактеризовать основные черты политических идеалов русского казачества.

and Satan. There is something demonic about the state coat of arms with the double-headed eagle. I would only recognise the orthodox tsar and his entire family if he were to free our old Church from oppression. I regard the laws enacted by the emperor as false and unlawful; I recognise only the legislation of Ivan the Terrible. But now there is no power and no office above us; formerly the boyars and voivodes were above us. The imperial state, however, is an institution of Satan.”^{27*} This programme is astonishing for the time in which it was articulated. One sees that, even in the mid-nineteenth century, for certain circles in Russia, the essence of the political programme could be expressed in such succinct terms: the orthodox Moscow tsar in place of the imperator; the church institutions from the time before Patriarch Nikon in place of those currently in existence; the old Moscow law instead of the laws codified in the second quarter of the nineteenth century; boyars and voivodes instead of imperial officials. This mentality is the best proof of the enduring power of the old Muscovite worldview, which has survived right up to the present day.

II

In the previous chapter, we examined the constructive socio-political ideas that were manifest in various forms within the ideology of the Russian people. We shall now attempt to describe the opposite side, namely the destructive ideological constructs. In other words, we shall attempt to outline the fundamental characteristics of the political ideals of the Russian Cossacks.

In examining the political conceptions of the Russian ‘free forces’, neither the settled Cossacks nor those affiliated with the state can, of course, provide us with material; rather, we must look solely to the social formations —

При исследовании политических представлений русской «вольницы» материал нам не может предоставить, конечно, ни домовитое, ни огосударственное казачество, но те совершенно оригинальные в истории социальные образования, которые вплоть до XVIII века возникали по ту сторону русских и литовских границ, получили собственные общинные оформления, демонстрировали совершенно особый уклад политической и экономической жизни и, смотря по обстоятельствам, находились во враждебных или мирных, договорных отношениях с государством. Эти вольные отряды в значительной степени состояли из всевозможных беглых сельских элементов и случайной гольтыбы, бедного люда, которому нечего было терять. Время от времени эти народные массы выходили на политическую арену как самостоятельные революционные силы. Так было, например, во время великих смут междоусобицы, в эпоху Стеньки Разина и Емельяна Пугачева. Об особом менталитете русской вольницы можно говорить только в отношении этого упомянутого последним казачества. «Идеалы» оседлых казаков были, конечно, совсем другими — они в дальнейшем будут рассматриваться в наименьшей степени^{28*}.

Политическую идеологию русских казаков сформулировали в основном исследователи западного казачества, имевшие перед глазами классический образец казацкой организации: славное товарищество в понизовье Днепра, так называемых запорожских казаков. Здесь казаки, — говорят нам, — «во внутреннем своем устройстве представляют сохранившееся вполне начало общин славянских»^{29*}. Они даже развили «до возможных пределов общинные начала. <...> Здесь... инстинкт народный, оставленный самому себе, развился полнее и свободнее, не извращенный внешним, чуждым влиянием»^{30*}. Политические формы, в которых воплощалось это развитие, были весьма про-

entirely unique in history — which emerged beyond the Russian and Lithuanian borders up to the eighteenth century, adopted their own forms of community, exhibited a way of life that was quite distinctive in political and economic terms, and, depending on the circumstances, maintained hostile or peaceful relations with the state. These free forces consisted largely of all kinds of rural fugitives and random rabble, poor people who had nothing to lose. From time to time, these masses of people entered the political arena as independent revolutionary forces. This was the case, for example, during the great turmoil of the interregnum, in the time of Stepan Razin and Emelyan Pugachev. One can speak of a particular mentality among the Russian free forces only in relation to the latter Cossacks. The ‘ideals’ of the settled Cossacks were, of course, quite different — they are the least considered in the following.^{28*}

The *political ideology of the Russian Cossacks* was formulated mainly by researchers of Western Cossacks studies, who had in mind the classic example of a Cossack organisation: the famous community at the mouth of the Dnieper, the so-called Zaporozhian Cossacks. Here, we are told, the Cossacks “have, in their internal structures, fully revived the earliest Slavic forms of community”.^{29*} They have even developed “the foundations of community to the utmost extent possible. [...] Here, the instinct of the people, left to its course and unspoiled by external, foreign influences, has been allowed to develop more freely and fully”.^{30*} The political forms in which this development took shape were quite simple: “Supreme authority was entrusted to the people’s assembly, to whose judgement every individual was subject; this assembly (*Rada*) also determined the annual expenditure and examined the accounts. All members of the community were equal in status and rights. Together, they monitored and ensured the upholding of public morality

сты: «...верховная власть была предоставлена общей сходке, суду которой подлежала каждая отдельная личность; та же сходка (рада) устанавливала годичный уряд и сбирала с него отчет. Все члены общества были безусловно равны и равноправны, все вместе сохраняли и наблюдали общественную нравственность по своим понятиям...»^{31*}. Одним словом — мы имеем здесь дело с подлинной, хотя и довольно примитивной демократией. Особенно примечательно полное отсутствие правовой основы: эта казачья демократия не знает никаких личных прав, ни установленных, ни естественных^{32*}. Она также не знает границ, определяющих компетенцию народного собрания и назначаемых им органов власти; здесь также отсутствует распределение функций. Поэтому «гетманская» власть деспотически неограниченна, как и власть народного собрания — «рады». В то же время, однако, ни гетман, ни любой член общины не был защищен от «рады». «Произвол массы» и «бесправие личности» отличают эту своеобразную демократию от западных демократий. Это также объясняет, почему такая демократия столь легко смогла ужиться с деспотической монархией. Самые известные «казачьи правители», как, например, Тушинский вор (узурпатор Лжедмитрий II) или Стенька Разин, были или орудиями массы, или деспотами восточного типа, что следует особо подчеркнуть, так как розовый призрак «общинного быта» как выражение некоторой идеальной формы государственного устройства смущал умы в России вплоть до 1917 года.

Сказанное делает понятным, почему так трудно, даже прямо невозможно применять к быту казацкого товарищества какие-либо современные государственно-правовые понятия, например «монархия» или «республика»^{33*}. Казачьи общины были республиками, имевшими своих князей и царей; и в то же время их можно назвать монархиями, власть в которых принадлежала народу. Когда русский крестья-

according to their own standards.”^{31*} In a word — we are dealing here with a genuine, albeit rather primitive, democracy. Particularly noteworthy is the complete absence of a legal foundation: this Cossack democracy recognises no personal rights whatsoever, neither established nor natural.^{32*} Nor does it recognise any boundaries defining the jurisdiction of the people’s assembly and the authorities appointed by it; there is also no distribution of functions here. Therefore, the power of the ‘hetman’ is despotically unlimited, as is the power of the people’s assembly, the Rada. At the same time, however, neither the hetman nor any member of the community was safe from the Rada. The ‘arbitrariness of the masses’ and the ‘lack of individual rights’ distinguish this peculiar democracy from Western democracies. This also explains why such a democracy could so easily adapt to a despotic monarchy. The most famous ‘Cossack rulers’, such as the Thief of Tushino (the usurper False Dmitry II) or Stepan (Stenka) Razin, were either blind tools of the masses or despots in the Asian sense of the word — a point which must be particularly emphasised, since the rose-tinted phantom of ‘community life’ (*obshchina*) as an expression of an ideal form of state order continued to confuse minds in Russia right up until 1917.

This explains why it is so difficult, indeed impossible, to apply any modern state-law concepts to the Cossack communities, such as the concepts of ‘monarchy’ or ‘republic’.^{33*} The Cossack communities were republics that had their princes and tsars; equally, one might also call them monarchies in which power lay in the hands of the people. When the Russian peasant sometimes claimed in 1917 that he wanted a republic, but with a ‘tsar’, he was certainly right in his own way: for him, the ideals of the Russian ‘free forces’, the ideals of the free Cossack brotherhoods, were still valid. These ideals had become deeply ingrained in

нин в 1917 году иногда утверждал, что он хочет республику, да только с «царем», он по-своему был, конечно, прав: он просто жил еще идеалами русской вольницы, идеалами казацкого «вольного товарищества». Эти идеалы глубоко запечатлелись в русской народной душе, они стали одним из основополагающих элементов русского народного чувства, его подземной, вулканической силой.

Этот основной элемент обладал, впрочем, если не собственной политической литературой, то, по крайней мере, своей поэзией. Тот, кто хочет с ней познакомиться, должен обратиться к *русскому народному героическому эпосу* (так называемой «былине»). В нем мы узнаём, что русский крестьянин всегда мыслями стремился в «дикую степь» и восторгался безудержной казацкой вольницей. Особенно следует учесть, что мы переняли русский героический эпос не в литературной обработке, как, например, «Песнь о Роланде» или «Сказание о Нибелунгах». Наши сказания были записаны по устному пересказу, как непосредственный продукт народной фантазии. Таким образом, здесь нельзя сомневаться в подлинности того, о чем рассказывается и поется; в этих эпосах, несомненно, звучит «русский дух». Мнение о том, что народные сказания наши не древнего происхождения, ничуть не умаляет существа дела; тем явственнее, однако, обнаруживается пропасть между мировоззрением высших классов и воззрениями русских народных масс.

Изучая былинные представления нашего народа о государстве и правителе, можно с полным правом говорить о казацком политическом идеале, который жил в нашем народе и представлялся прообразом силы и свободы, определенным воплощением внутренних стремлений народа. Замечательно, что даже во времена Петра Великого, то есть в начале XVIII века, когда строй империи уже был сформирован, казацкий идеал продолжал жить в русских лесах и степях, составляя основу для

the Russian national soul; they had become a fundamental element of the Russian national feeling, its subterranean, volcanic power.

Incidentally, this fundamental element possessed, if not its own political literature, then at least its own poetry. Anyone who wants to learn about it must turn to the *Russian heroic folk epic* (the so-called '*bylina*'). From it we learn that the Russian peasant's thoughts constantly wandered out into the 'wild steppe', and that he was enthralled by the Cossacks' unrestrained, free way of life. It is particularly worth noting that we have not adopted the Russian heroic epic in a literary adaptation, such as "The Song of Roland" or "The Nibelungen Saga". Our sagas were written down according to oral tradition, as a direct product of the people's imagination. In this way, no doubts can arise here as to the authenticity of what is told and sung; the 'Russian spirit' speaks unmistakably from these epics. The assumption that our folk sagas are not of ancient origin does little to alter this fact; yet it serves to highlight all the more distinctly the chasm between the worldview of the upper classes and the mentality of the broad masses of the people.

If we examine the visions held by our people regarding the state and its rulers, as reflected in these legends, we are fully justified in speaking of a political Cossack ideal that lived on within our people and which can be regarded as an archetype of strength and freedom, as a concrete realisation of the people's inner aspirations. It is significant that even in the time of Peter the Great, that is, at the beginning of the eighteenth century, when the structure of the empire was already well established, the Cossack ideal continued to live on in the Russian forests and steppes, forming the basis for sentiments that have not yet been explored but have appeared here and there. This was perhaps the elementary 'conception of the state' of the Russian people, one that was understandable

неопознанных до сих пор, но проявляющихся там и здесь настроений. Это, пожалуй, и было элементарное «представление о государстве» русского народа, понятное и близкое каждому крестьянину. Его основные моменты таковы.

В русском былинном эпосе не выкристаллизовалось еще понятие единого российского государства с единым населением, определенной территорией и централизованной властью. Россия представляется еще совокупностью самостоятельных земель, княжеств и городов, промеж которых живут разбойники, страшные недруги и враги^{34*}. Единственной соединяющей ее силой является православная вера. Русь едина, поскольку она православна — «святая Русь». Потому соединяющим моментом является не национальность, а вера. Мирозрение, выраженное в былинах, до известной степени интернационально, возможно, в том же смысле, в каком и старое католическое мирозрение, которое объединяло людей не по их национальности, а по их принадлежности к единой вере. Герои русских былин, русские богатыри, не ведают различия между «своими» и «чужими», раз дело идет о православных, а не о басурманах. Стольный Киев град ставится ими в один ряд с Царьградом, русские князья — с византийскими императорами. Славный богатырь Добрыня гуляет по Царьграду так же свободно, как по Киеву. Интересы Киева богатыри чтут так же, как царьградские, и не раз русские богатыри вступают в бой, чтобы освободить Царьград и императора Константина от турок — это их любимый подвиг^{35*}.

В былинном эпосе отношения с государственной властью носят характер случайный, договорной. Другой очень популярный герой, Илья Муромец, приходит как-то в один город и просит жителей показать ему прямую дорогу на Киев. Люди отвечают ему: «Ай же ты удалой доброй молодец! / А й живи-ко ты у нас да воеводою, / А береги-тко город наш...»^{36*}. На началах свободного согласия служат русские богаты-

and familiar to every peasant. Its fundamental elements are as follows:

In Russian epic poetry, the concept of a unified Russian state with a unified population, a specific territory, and a centralised authority has not yet crystallised. Russia still appears there as a group of independent countries, principalities and towns, amongst which dwell bandits, fearsome foes, and enemies.^{34*} The only force binding them together is the Orthodox faith. Russia is united insofar as it is orthodox — ‘Holy Russia’. Therefore, it is not nationality that constitutes the unifying factor, but faith. The worldview expressed in the sagas is, to a certain extent, international, perhaps in the same sense as the old Catholic worldview which organised people not according to their nationality but according to their belonging to the same faith. The heroes of Russian epic tales, the Russian *bogatyrs*, make no distinction between ‘their own’ and ‘strangers’ when the matter concerns Orthodox Christians rather than pagans. The capital city of Kiev is placed on a par with Byzantium, and the Russian princes are held in equal esteem to the Byzantine emperors. The valiant bogatyr, Dobrynya, roams Byzantium as freely as he does in Kiev. The interests of Kiev are held in as high regard by the bogatyrs as those of Byzantium, and more than once Russian bogatyrs go into battle to liberate Byzantium and Emperor Constantine from the Turks — this is their favourite heroic deed.^{35*}

In epic poetry, relationships with the state authorities are purely coincidental and contractual. Another very prominent hero, Ilya Muromets, once comes to a city and asks the inhabitants to show him the direct route to Kiev. The people reply: “Brave, noble warrior! Stay with us as voivode and protect our city.”^{36*} On the basis of free agreement, the Russian bogatyrs also serve the Russian princes. For example, Prince Vladimir once hosted a feast at

ри и русским князьям. Так, устроил, например, князь Владимир пир, и пришел на него незванный Илья Муромец. Князь Владимир рассердился, приказал засадить его в погреб и умерить голодом. Это возмутило могучих киевских богатырей, они вскочили на своих коней и уехали в чисто поле: «А й не будем ведь мы жить больше во Киеви, / А не будем мы служить князю Владимиру»^{37*}. Вообще в этих былинах Русь представляется страной, где свободно и вольно, чисто анархически возникают властные отношения. Свободно бродят богатыри по русской земле, набирают дружины, уезжают с ними в степь, бьются с басурманами, приходят к князьям и их выручают. Князья радуются богатырям, принимают их гостями, дарят им подарки. Не долг повиновения, а свободная воля определяет отношение богатырей к князю. Однажды, например, привозит Илья к князю Владимиру Соловья-Разбойника — и князь не видит в этом исполнения долга службы, но дружескую услугу, за которую приходится благодарить. «Благодарствуешь Илья да сын Иванович, / Збавил нас от смерти от напрасныя!»^{38*}. И плененный Соловей чувствует покорность не князю, а Илье Муромцу. Таким образом, в народном представлении отсутствует понятие принудительной княжеской службы.

Киевский князь Владимир, прозванный Красно Солнышко, — любимый герой русского героического эпоса. В летописях он изображается идеалом князя, мудрого, энергичного и предприимчивого. Но ведь это идеализация, которую позднейший летописец произвел со своей точки зрения. В народной поэзии Владимир предстает ласковым и гостеприимным, но в то же время обнаруживающим целый ряд непривлекательных черт. Сопоставляя казака и князя, народ наш видит больше положительных черт в первом, чем в последнем. В противоположность богатырям, особенно Илье Муромцу, киевский князь Владимир обнаруживает

which the hero Ilya appeared as an uninvited guest. In a rage, Prince Vladimir ordered him to be thrown into the dungeon and left to starve to death. This enraged the mighty bogatyr of Kiev, who quickly mounted their horses and rode out into the open field: “We will no longer stay in Kiev, nor serve Prince Vladimir!”^{37*} In general, Russia is depicted in these sagas as a land where power relations arise quite freely and spontaneously, indeed almost anarchically. The bogatyr roam freely through the land, recruit warriors, ride with them out into the steppe, fight with infidels, gather at the princes’ courts, and stand by them in times of danger. The princes rejoice at their arrival, welcome them warmly, and present them with gifts. It is not a duty of obedience, but free will that determines the bogatyr’s attitude towards the prince. One day, for example, Ilya brings the defeated Nightingale the Robber to Prince Vladimir; the latter does not see this as the fulfilment of a duty, but as a favour for which he must express his gratitude. “Thank you, Ilya, for saving us from an undeserved death!”^{38*} And the captured robber is now subject not to the prince, but to Ilya. In this sense, the people’s conception of service to the prince does not involve any notion of compulsory duty.

Prince Vladimir of Kiev, known as “the Fair Sun”, is the favourite hero of the Russian epic. In the chronicles, he is portrayed as the ideal of a wise, energetic, and dynamic prince. Yet this is an idealisation made by later chroniclers from their own perspective. In folk poetry, Vladimir appears as amiable and hospitable, but is at the same time endowed with a number of less attractive qualities. When comparing the Cossack and the prince, the people see far more positive qualities in the former than in the latter. In contrast to the bogatyr, particularly Ilya Muromets, Vladimir, the prince of Kiev, shows excessive cowardice in the face of every danger — a trait that is portrayed in the legends

при всякой опасности непомерную трусость — порок, всего более презираемый в богатырских сказаниях. Так, когда Калин царь подступает к Киеву с войском, «Тут Владимир князь да стольнё-киевской / Он по горенки да стал похаживать, / С ясных очушек он ронит слёзы ведь горячии, / Шелковѣм платком князь утирается, / Говорит Владимир князь да таковы слова: / “Нет жива́-то стараго каза́ка Ильи Муромца, / Не́кому стоять теперь за веру, за отечество, / Не́кому стоять за церкви ведь за Божии, / Не́кому стоять-то ведь за Киев град, / Да ведь некому сберечь князя Владимира...”^{39*}. Очень любопытны изображения моментов ссоры князя с богатырями. В былинах постоянно встречаются жалобы богатырей на князей, потому что те неблагодарны и не ценят народную богатырскую силу. «Да не будем мы беречь, — говорят богатыри, — князя Владимира... / У него ведь есте много да князей бояр, / Кормит их и по́ит да и жалует, / Ничего нам нет от князя от Владимира»^{40*}. Или вот что говорит про Владимира старый богатырь Самсон Самойлович: «Кладена у меня заповедь крепкая: / Не бывать бы мне во городе во Киеве... / И не стоять бы больше мне за Киев град. / Он слушает князей-бояр, / А не почитает богатырей»^{41*}.

Таким образом, народ противопоставляет себя князю и высшим классам и требует себе уважения. Дело доходит иногда до столкновения, которое изображается жуткими сценами обычного русского бунта. Следующие картины, рисуемые народной фантазией, можно считать даже пророческим предчувствием дальнейшей судьбы России. Былина рассказывает, что князь Владимир устроил пир, пригласил всех князей, бояр, богатырей, но позабыл позвать старого казака Илью Муромца. «И тут-то Илья роззодорился... / Как скоро натянул он свой ту́гой лук, / А клал он тут стрелочку каленую... / А стрели́л-то он тут по Божѣм церквам, / А по тым стрели́л по чуднѣм кре-

as the most despicable. For example, when Tsar Kalin approached Kiev with his army: “Vladimir, Prince of Kiev, began to pace the hall in sorrow; from his clear eyes he shed bitter tears; the prince wiped them away with a silk handkerchief, and Prince Vladimir spoke these words: “The old Cossack Ilya Muromets is no longer alive, There is no one now to stand for the faith, for the fatherland, There is no one to stand for God’s churches, There is no one to stand for the city of Kiev, And there is no one to protect Prince Vladimir [...]”^{39*} — The descriptions of the quarrels between the princes and the bogatyrs are very interesting. In the sagas, we often find the bogatyrs complaining about the princes, because the latter are ungrateful and do not sufficiently appreciate the power of the people’s bogatyrs. “So, we will no longer protect Prince Vladimir,” they say, “for he has enough princes and boyars to whom he provides food and drink and whom he delights with his grace, whilst we receive nothing good from him.”^{40*} In a similar vein, the old bogatyr Samson speaks of Vladimir: “I have firmly vowed never to set foot in the city of Kiev again. [...] Never again will I stand guard over the city of Kiev. He listens to the princes and the boyars, but disregards the bogatyrs!”^{41*}

In this way, the people confront the prince and the upper classes, and demand their respect. Occasionally, this leads to clashes, which are then depicted with the sinister characteristics typical of every Russian uprising. The scenes that follow, conjured up by the people’s imagination, can be described as a prophetic foreshadowing of Russia’s later fate. The legend tells that Prince Vladimir had given a feast to which all the princes, boyars and bogatyrs had been invited, but the old Cossack Ilya Muromets had been forgotten. Ilya thereupon grew furious, took his bow, nocked an iron-tipped arrow, and began to shoot at the churches, their magnificent crosses and gilded

стам, / А по тым маковкам золоченым. / Да пали тут тьи маковки, / Да пали тут, отпали на сыру землю, / Да сам он закричал тут во всю голову: / “Да ай же вы были го́ли мои, / А голи мои вы кабацкии... / А собирайтесь-ко вы да сюда́-то вси, / А обирайте маковки вси золочёные. / А подёмте-ко вы да со мной еще... / Как станем нун пить да зеленá вина...”^{42*} И пошел неистовый пир. Князь же Владимир видит, что беда пришла неминуемая, прекратил он свое пиршество, созвал на князей, бояр и богатырей и стал спрашивать, что ему делать. Решили послать к Илье Добрыню Никитича, богатыря знатного и искусного дипломата. И тому удастся смягчить Илью. Тогда отправился Илья к Владимиру, посадили его за стол на почетное место, дали чару зелена вина. Говорит тут Илья Владимиру: «Как бы ты не послал ко мне Добрыню Никитича, натянул бы я свой тяжелый лук, а убил бы ты князя со княгинею. А теперь я тебя прощаю за твою великую обиду...»^{43*}

Казацкий идеал можно назвать идеалом народным, демократическим. Согласно ему, главная политическая сила — это народ, олицетворенный в мифическом образе могучего богатыря, крестьянского сына и вольного казака («Илья Муромец»). Но в то же время эта первобытная кочевая демократия политически аморфна и полуанархична. В ней нет места какому-либо организующему началу, нет месту и праву. На основе такого демократического уклада может строиться степная казацкая вольница, но на ней не построишь никакого государственного порядка. Казацкий политический идеал был мечтательным и романтичным и мог найти воплощение только в старой Руси, состоявшей из удельных княжеств, или в Запорожской Сечи. Он лишен практической политической программы, у него не было надлежащего плана собственного государственного строительства. Тем не менее в дальнейшем ходе русской истории были моменты, когда этот казацкий идеал, пусть только времен-

domes. The golden domes fell to the ground. Ilya shouted loudly: “Hey, you vagabonds, you poor drinkers, gather round here and pluck the gilded domes, and come with me to drink the grain wine”.^{42*} Now a wild drinking spree ensues. At that moment, Prince Vladimir sees disaster approaching, interrupts his feast, summons princes, boyars, and bogatyrs to a council and asks them what should now be done. It is decided to send Dobrynya, a respected bogatyr and skilled diplomat, to Ilya. He succeeds in appeasing Ilya. Now Ilya goes to Vladimir and is given the place of honour at the table; a cup of grain wine is placed before him. Then he says to Vladimir: “Had you not sent Dobrynya to me, I would have drawn my sturdy bow and killed you, Prince, along with the Princess. But now I will forgive you for this grave insult [...]”^{43*}

The Cossack ideal can be described as a people’s democratic ideal. According to this ideal, the most important political power is the people, embodied in the mythical figure of the mighty bogatyr, the farmer’s son and free Cossack (‘Ilya Muromets’). At the same time, however, this primeval nomadic democracy is politically amorphous and semi-anarchic. It contains no constructive element and knows no law. On the basis of such a democratic conception, a Cossack steppe community might well be established, but no form of state order. The political ideal of the Cossacks, which was dreamy and romantic, could only be realised in the old Russia, which was composed of individual principalities, or in the Zaporozhian Cossack community. It lacked a practical political programme; it had no viable plan for establishing its own state structure. Nevertheless, there were moments in the further course of Russian history when this Cossack ideal was realised, albeit only temporarily. This was the case during the Interregnum (1598 to 1613), and the uprisings

но, стал действительностью. Так было в Смутное время (1598–1613), в периоды восстаний Стеньки Разина (1668–1671) и Емельяна Пугачева (1773–1775). В Смутное время казаки ненадолго захватили власть и поставили своего собственного князя^{44*}; Пугачев при определенных обстоятельствах мог захватить всю Россию.

Социально-политические воззрения русского казачества можно обнаружить также в некоторых религиозных учениях старообрядчества и особенно в учениях различных русских сект. Утверждение некоторых русских сектантов о том, что они являются казаками, было не лишним основанием и соответствовало фактам. Существовала определенная связь между волнениями, зачинщиками которых были казаки, и движением староверов: последние активно участвовали в казацких волнениях и поддерживали казаков. Так, уже восстание под предводительством Стеньки Разина было связано со староверами: казаки Разина пытались вступить в контакт с патриархом Никоном и переманить его на свою сторону^{45*}. Также и в других народных движениях, инициированных казаками, староверы составляли неотъемлемую часть, как, например, в восстаниях под предводительством Булавина^{46*} и Пугачева.

Еще более глубокая связь существует между русским казачеством и различными русскими религиозными сектами. Само по себе *русское сектантство* гораздо древнее, чем раскол, произошедший в XVII веке. Уже в XVI веке в России встречаются отдельные религиозные секты, некоторые из которых были весьма влиятельными. Можно с определенной уверенностью предположить, что корни этих религиозных движений уходят на юг и запад: к проникнувшему манихейством болгарским «богомилам», к чешским гуситам и даже к некоторым рационалистически настроенным еврейским сектам («жидовствующие»)^{47*}. Этот раскол, произошедший в середине XVII века, способствовал дальнейшему развитию русских религиозных сект.

of Stepan (Stenka) Razin (1668 to 1671) and Emelyan Pugachev (1773 to 1775). During the Interregnum, the Cossacks seized power for a time and appointed their own prince;^{44*} Pugachev could have taken over the whole of Russia under certain circumstances.

The socio-political views of the Russian Cossacks can also be traced in some religious teachings of the Old Believers, and particularly in the teachings of various Russian sects. The claim of some Russian sectarians that they were Cossacks was not unfounded and corresponded to the facts. There was a certain connection between the uprisings instigated by the Cossacks and the Old Believer movement: the latter actively took part in the Cossack uprisings and supported the Cossacks. Thus, the uprising led by Stenka Razin was already linked to the Old Believers: Razin's Cossacks attempted to make contact with Patriarch Nikon and win him over to their side.^{45*} In other people's movements instigated by the Cossacks, too, the Old Believers formed an integral part, as, for example, in the uprisings led by Bulavin^{46*} and Pugachev.

There is an even deeper connection between Russian Cossacks and the various Russian religious sects. *Russian sectarianism* itself is significantly older than the schism that arose in the seventeenth century. As early as the seventeenth century, we find isolated religious sects in Russia, some of which exerted considerable influence. It can be assumed with some certainty that the roots of these religious movements originated in the south and west, from the Manichaeism-influenced Bulgarian Bogomils, as well as from the Czech Hussites, and even from some rationalist-minded Jewish sects (Judaizers).^{47*} This schism within the church, which took place around the mid-seventeenth century, fostered the further development of Russian religious sects. Whilst Old Believers gradually split into different

В то время как старообрядчество постепенно раскалывалось на различные течения, некоторые его ответвления вступили в прямой контакт с сектантством, так что границы между ними вскоре сгладились и произошло полное слияние. При этом не следует упускать из виду, что русское старообрядчество всегда было консервативным, тогда как сектантство исповедовало радикальные взгляды. Старообрядчество не имеет ничего общего с духом Реформации, в то время как сектантство преисполнено этим духом и поэтому имеет протестантскую направленность.

Как старообрядцы, так и сектанты не хотели признавать существующее российское правительство, но различались в характере этого неприятия. При этом часть старообрядцев считала, что существующая власть безблагодатна; другая, более радикально настроенная часть утверждала, что государство — богопротивное учреждение и что правители сознательно творят волю дьявола. Если сделать отсюда еще один шаг влево, то сразу же найдутся секты, которые заходили так далеко, что отвергали саму идею государства^{48*} и в своих выводах дошли до анархизма. На практике это выражалось в том, что они не подчинялись государственной власти. Точную формулировку этой политической тактики мы находим в рукописи XVIII века: «Кто способен сражаться, тот пусть вступает в борьбу с сатаной (т.е. с государством). Трусливые пусть навсегда покинут поле боя!»^{49*}.

Что касается первых, то мы уже говорили о роли сектантов в политических восстаниях. Здесь хотелось бы лишь добавить, что политические битвы, опирающиеся на религиозный протестантизм, — не специфически русское явление: такие политические движения хорошо известны и на Западе. Восстания гуситов, восстание Цвингли, движения Томаса Мюнцера и английских протестантов служат тому достаточным свидетельством.

currents, some of their branches came into direct contact with sectarianism, so that the boundaries between them soon disappeared and a complete fusion took place. However, it should not be forgotten that Russian Old Belief was always conservative, whereas sectarianism professed radical views. Old Belief has nothing of the spirit of the Reformation in itself, whereas sectarianism is imbued with this spirit and is therefore Protestant in outlook.

Both the Old Believers and the sectarians refused to recognise the existing Russian government, but they differed in the nature of their aversion. Some of the Old Believers held the view that the existing authority was graceless; while another, more radical group claimed that the state was an institution that is hostile to God and that the rulers were consciously carrying out Satan's will. If one takes a further step to the left, one immediately encounters those sects that went so far as to deny the very idea of the state^{48*} and, as a consequence, embraced anarchism. In practice, this was effected by a refusal to submit to the state. A precise formulation of this political tactic can be found in an eighteenth-century manuscript: "Those who are capable of fighting should take up the fight against Satan (i.e. the state). The weaklings should leave the field for all time!"^{49*}

As for the former group, we have already discussed the role of sectarians in political rebellions. We would only like to add here that political struggles based on religious Protestantism are not a specifically Russian phenomenon: these political movements are just as well known in the West. The Hussite uprisings, the Zwingli uprising, the Thomas Muntzer movement, and those of the English Protestants bear sufficient witness to this.

In the passive resistance expressed in the words contained in the aforementioned manuscript, "The weaklings should leave the

В пассивном сопротивлении, выраженном в словах, содержащихся в упомянутой рукописи: «Трусливые пусть навсегда покинут поле боя!», или, другими словами: «Пусть они бегут и таятся!»^{50*}, можно обнаружить своеобразную связь с мировоззренческой установкой Востока (*Gesinnung der morgenländischen Weltanschauung*)^{51*}. Здесь вновь встречается старая восточная идея бегства из мира, которая с религиозной точки зрения привела к аскетизму, а с политической — потребовала особой тактики, принципы которой можно истолковать следующим образом:

Из убеждения, что государство лежит во зле, возникло стремление к полному обособлению и удалению от существующего никонианского государства и официальных форм общественной жизни^{52*}. «Несть во градах живущим спасения... — учили сектанты, — Во единых токмо пустынях и скитах Бог живет, тамо обратил есть лице свое, и тамо токмо слушает молящихся Ему...»^{53*}. Поэтому поселение в пустыне и в лесу получает у сектантов особое признание. «Кто бы мне поставил прекрасную пустыню, — поется в одном духовном стихе, — Кто бы мне построил не на жительном тихом месте, чтобы мне не слышать человеческого гласа, чтобы мне не видеть прелестного сего мира, дабы мне не зрети суету прелесть света сего, дабы мне не желати человеческие славы?»^{54*}. Действительно, сектанты и старообрядцы обосновались в лесах Северной и Восточной России вплоть до Полярного моря^{55*}, а также в Поволжье и на Уральских горах вплоть до Сибири. Эти поселения с их своеобразным жизненным укладом и обычаями прекрасно описаны в художественной литературе Лесковым и Мельниковым-Печерским. Русский художник Нестеров с глубоким сочувствием воплотил в красках поэзию этой пустыни^{56*}.

Некоторые сектанты понимали уход из мира совершенно буквально, причем настолько, что призывали к смерти, к самоистребле-

field for all time!” or, to put it another way: “Let them flee and keep themselves hidden!”^{50*} one can discern a peculiar connection with the mindset of the Eastern worldview.^{51*} Here we find the ancient Eastern idea of fleeing the world, which, from a religious standpoint, led to asceticism but, from a political one, required a particular tactic, the principles of which can be interpreted as follows:

Based on the conviction that the state was steeped in evil, a desire arose for complete seclusion and distancing from the existing state, inspired by Patriarch Nikon, and from the official forms of social life.^{52*} “There is no salvation for those who dwell in cities,” the sectarians taught, “only the solitude of the desert and the forest, only the hermitage built in the wilderness is blessed by the Lord; His gaze is turned only there, and only a prayer that comes from there is pleasing to him.”^{53*} Hence, settling in the desert and the forest gained special esteem among the sectarians. “How I long for the desert,” says a religious song, “where I might settle lonely and alone, where no human voice reaches me, where worldliness avoids me, where I am beyond the spell of vanity, and from where I would have no desire for all human frailties.”^{54*} Indeed, the sectarians and Old Believers settled in the forests of northern and eastern Russia as far as the Polar Sea,^{55*} as well as in the Volga region and the Ural Mountains as far as Siberia. These settlements, with their unique way of life and customs, are superbly depicted in the fiction work of Leskov and Melnikov-Pechersky. The Russian painter Nesterov, moved by deep empathy, has captured the poetry of this desert with his colours.^{56*}

Some sectarians understood separation from the world quite literally, to the extent that they called for death and self-destruction. The practice of self-destruction was very widespread in various forms: “If you cannot

нию. Самоистребление при этом практиковалось очень широко в разных формах. «Аще ли не можете мук терпети, — говорит в одном из текстов, появившихся в этих кругах, — то сами себе смерти предавайте, кто как может, убивайтесь и в воду бросайтесь, и ножом закалываетесь, а паче в храминах собравшися, сожигайтесь без сомнения: Бог вас благословит!»^{57*}. Это было своего рода пассивным сопротивлением, которое сектанты оказывали государству и официальной церкви; мы можем проследить различные случаи проявления этого религиозного фанатизма вплоть до конца XIX века.

Обзор политических взглядов русского народа имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Здесь у нас появляется прекрасная возможность познакомиться с идеологическим прапримитивом, который, будучи глубоко скрыт в народном духе, бессознательно определял судьбы государства. Действенные силы этого примитива обнажились в 1917 году — только тогда стало очевидно, как мало сторонников имела Российская империя. Поэтому-то переворот дался так легко, а падение было столь глубоким. Русские интеллектуалы, так называемая интеллигенция, пытались построить на развалинах империи новое политическое здание в западном стиле. Но широкие народные массы оказались равнодушными к этому предприятию. Это объяснялось тем, что западная демократия выросла из глубин протестантизма — мировоззрения, которое оставалось чуждым русскому народу.

Что же произошло в 1917 году? Тенденции, которые с XVII века приводили в движение широкие народные массы, но были скованы имперским государственным устройством, теперь вышли на поверхность, получили свободу действий и могли беспрепятственно опреде-

bear the torment,” reads one of the texts circulating in these circles, “then take your own lives as best you can: kill yourselves, throw yourselves into the water, or stab yourselves with a knife; and above all, gather in the churches and burn yourselves without hesitation: God will bless you!”^{57*} This was a kind of passive resistance that the sectarians opposed to the state and the official church; we can trace various instances of this religious fanaticism being practised right up the end of the nineteenth century.

An overview of the political views of the Russian people is significant, not only in theoretical but also in practical terms. Here we have the best opportunity to acquaint ourselves with the primordial ideological force which, hidden deep within the people’s spirit, unconsciously determined the fate of the state. The forces executing this primitivism revealed themselves in 1917 — only then did it become apparent how few supporters the Russian Empire had. That is why the overthrow was so easy, and the fall so deep. The Russian intellectuals, the so-called intelligentsia, attempted to build a new political entity in the Western style upon the ruins of the Empire. The broad masses of the people, however, remained indifferent to this endeavour. This can be explained by the fact that Western democracy grew out of the depths of Protestantism — a worldview that remained alien to the Russian people.

So what happened in 1917? The tendencies that had been setting the broad masses of the people in motion since the seventeenth century, but which had been restrained by the imperial state order, now came to the surface, gained freedom of movement and were able to determine the further course of the political process unhindered. The driving force behind this political process was Marxism, which

лять дальнейший ход политического процесса. Формирующей силой этого политического процесса был марксизм, привнесенный с Запада. Что касается народных масс, то они извлекли из этого учения только то, что соответствовало их старым, неисполненным, зачастую мало благородным и возвышенным желанием. Марксизму, перенесенному на русскую почву, удалось организовать казацкую вольницу, которая практически осуществила социально-политическую программу Стенки Разина и Пугачева. Идея, которая в середине прошлого века пришла в голову известному анархисту Михаилу Бакунину — «найти Пугачева, способного к организации»^{58*}, — нашла свое воплощение в октябре 1917 года в лице Ленина.

Конечно, марксизму не удалось сублимировать прапримитив народа. Задача политики будущего заключается главным образом в том, чтобы способствовать этой сублимации. Будет ли это сделано, пока неизвестно, ибо

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить^{59*}.

Примечания

^{1*} Н. Н. Алексеев указывает здесь годы правления Петра Первого.

^{2*} Речь идет прежде всего о Византийской (или Восточной Римской) империи (395–1453).

^{3*} Как полагает М. А. Дьяконов, намеки на обожествление личности царя «встречаются довольно рано в русской письменности. Но Иосиф первый обстоятельно развил и обставил это учение» (Дьяконов, 1889, с. 99). В дальнейшей характеристике учения Иосифа Волоцкого, русского богослова и церковного деятеля, канонизированного в 1579 г., Алексеев опирается преимущественно на исследование Дьяконова (см.: Там же, с. 91–132) и использует титул «царь» применительно к великим князьям московским и владимирским, государям всея Руси Ивану III и Василию III, современникам Иосифа Волоцкого, в библейском смысле и в привычной как для русскоязычного, так и для ино-

had been imported from the West. As for the masses, they drew from this doctrine only that which corresponded to their old, unfulfilled, and often less than noble or sublime desires. Marxism, as it was transplanted onto Russian soil, succeeded in organising a Cossack free force that put Stenka Razin and Pugachev's socio-political programme into practice. The idea that the well-known anarchist Mikhail Bakunin had had in mind in the middle of the last century, "to find a Pugachev capable of organisation",^{58*} found its realisation in the October 1917 revolution in the person of Lenin.

Admittedly, Marxism has not succeeded in sublimating the primal primitivism of the people. The main task of future policy is to promote this sublimation. Whether this will happen remains to be seen; for

Russia is a thing of which
the intellect cannot conceive.
Hers is no common yardstick.
You measure her uniquely:
in Russia you believe!^{59*}

Commentary

^{1*} Nikolai N. Alekseev is indicating here the years of Peter the Great's reign.

^{2*} This refers primarily to the Byzantine, or Eastern Roman, Empire (395–1453).

^{3*} As Mikhail A. Diakonov (1889, p. 99) suggests, hints of the deification of the tsar's person "appear quite early in Russian literature. But Joseph was the first to develop and elaborate this doctrine in detail". Alekseev relies mainly on Diakonov's study (see *ibid.*, pp. 91–132) in his subsequent description of the teaching of Joseph Volotsky, a Russian theologian and church figure canonised in 1579. In reference to the Grand Princes of Moscow and Vladimir, as well as the sovereigns of all Russia, Ivan III and Vasily III, contemporaries of Joseph Volotsky, he uses the title 'tsar' in the biblical sense and in accordance with the later tradition, familiar to both Russian-speaking and foreign readers, of designating all Russian rulers.

^{4*} The original text contains an error: 'geb.[oren]' ('born'). Joseph Volotsky (secular name: Ivan Sanin) was born on 14 November 1439 and died on 9 September 1515.

странного читателя позднейшей традиции обозначения всех русских правителей.

^{4*} В оригинале ошибочно: «geb.<oren>» («родился»). Иосиф Волоцкий (в миру — Иван Санин) родился 14 ноября 1439 г., умер 9 сентября 1515 г.

^{5*} См. схожую характеристику Иосифа Волоцкого: (Хрущов, 1868, с. 173).

^{6*} В статье Алексеева «Христианство и идея монархии», опубликованной по-русски в журнале «Путь» (1927, № 6), эта же цитата приводится так: «Бог в себе место посади на престоле своем, а потому царь убо естеством подобен есть всем человеком, а властью же подобен есть вышнему богу» (Алексеев, 1998а, с. 60–61). Ср.: Послания..., 1959, с. 184).

^{7*} См.: (Алексеев, 1998а, с. 61).

^{8*} См.: (Там же); ср.: Письмо 14 в «Просветителе»: (Иосиф Волоцкий, 2011, с. 375).

^{9*} Речь идет о Фердинанде II Арагонском (1452–1516), в правление которого инквизиция и преследования нехристиан и еретиков достигли в Испании апогея. См.: (Козлова, 2015, с. 166).

^{10*} Алексеев здесь цитирует слова Иосифа Волоцкого в передаче Дьяконова: «...государь, которого Бог устроил в свое место, “суд и милость предать ему, и церковное и монастырское, и всего православного христианства всяя русской земли власть и попечение”» (Дьяконов, 1889, с. 121; ср.: Алексеев, 1998а, с. 61).

^{11*} Здесь Алексеев повторяет тезис своей статьи «Христианство и идея монархии» и цитирует переложение Дьяконовым фрагмента из сочинения инок Зиновия Отенского (?–1568) (Дьяконов, 1889, с. 112; ср.: Зиновий, 1863, с. 283; Алексеев, 1998а, с. 61).

^{12*} Концепция «Москва — третий Рим» была сформулирована старцем Филофеем в «Послании о неблагоприятных днях и часах» к псковскому дьяку М. Г. Мисюрю-Мунехину и датируется концом 1523 — началом 1524 г. (Послания..., 2000, с. 298–299, 539).

^{13*} Алексеев, подобно историку, оппоненту евразийцев Е. Ф. Шмурло (Шмурло, 1922, с. 125; ср.: Робинсон, Досталь, 1997, с. 52, 55–56, 63), следует за Дьяконовым, который полагал, что идея «Москва — третий Рим» была впервые выражена московским митрополитом Зосимой в «Изложении пасхалии» 1492 г. (Дьяконов, 1889, с. 66), что обоснованно оспаривает современный историк Н. В. Синицына (Синицына, 1998, с. 121–125).

^{14*} Отсутствующие в немецком тексте закрывающие кавычки восстановлены по статье Алексеева «Христианство и идея монархии» (Алексеев, 1998а, с. 62), где

^{5*} See a similar description by Joseph Volotsky in Khrushchov (1868, p. 173).

^{6*} In this section of the article, Alekseev uses text and quotations from his earlier article “Christianity and the Idea of Monarchy”, published in Russian in the journal “Put’ [The Way]”, 1927, no. 6 (Alekseev, 1998a). See this quotation *ibid.*, pp. 60–61; cf. Joseph Volotsky (1959, p. 184).

^{7*} See Alekseev (1998a, p. 61).

^{8*} See *ibid.*; cf. Letter 14 in *Prosvetitel’ [The Enlightener]* (Joseph Volotsky, 2011, p. 375).

^{9*} This refers to Ferdinand II of Aragon (1452–1516), during whose reign the Inquisition and the persecution of non-Christians and heretics reached their peak in Spain. See Kozlova (2015, p. 166).

^{10*} Here Alekseev cites the words of Joseph Volotsky as reported by Diakonov (1889, p. 121; cf. Alekseev, 1998a, p. 61).

^{11*} Here Alekseev repeats the thesis of his article, “Christianity and the Idea of Monarchy”, and quotes Diakonov’s adaptation of a fragment from the work of the monk Zinoviy Otenskiy (?–1568) (Diakonov, 1889, p. 112; cf. Zinoviy, 1863, p. 283; Alekseev, 1998a, p. 61).

^{12*} The conception of ‘Moscow — the Third Rome’ was formulated by the *starets* Filofei (Philotheus) in his “Epistle on Unfavourable Days and Hours”, addressed to the Pskov deacon Mikhail G. Misyur-Munehin, and dating from late 1523 to early 1524 (cf. Kolesov, 2000, pp. 298–299, 539).

^{13*} Alekseev, like the historian and opponent of Eurasianism, Evgeniy F. Shmurlo (1922, p. 125; cf. Robinson and Dostal, 1997, pp. 52, 55–56, 63), follows Diakonov (1889, p. 66), who believed that the idea of ‘Moscow — the Third Rome’ was first expressed by the Metropolitan of Moscow, Zosima, in the ‘Exposition of the Easter Cycle’ of 1492, a view which is reasonably disputed by the contemporary historian Nina V. Sinitsyna (1998, pp. 121–125).

^{14*} Cf. both quotations from this sentence in translation by Fennell (1963, p. 13): “[...] the conquering banner, the Holy Cross [...], “[...] a spark of piety reached even the Russian kingdom”. The closing quotation marks, which are missing in the German text, have been restored based on Alekseev’s Russian-language article (Alekseev, 1998a, p. 62) where this passage is rendered more faithfully to the original, and a reference to the source is provided (see Ustryalov, 1842, p. 156).

^{15*} See Alekseev (1998a, p. 62). Here and in the following, Alekseev refers to Lev A. Tikhomirov’s work *Monarchical Statehood*, using the quotations cited therein (see Tikhomirov, 1905, p. 42).

этот фрагмент передан ближе к оригиналу и указана ссылка на источник: (Сказания..., 1842, с. 156).

^{15*} См.: (Алексеев, 1998а, с. 62). Алексеев здесь и далее опирается на сочинение Л. А. Тихомирова «Монархическая государственность», пользуясь и приводимыми там цитатами (см.: Тихомиров, 1905, с. 42).

^{16*} Ср.: (Alexeev, 1937, S. 8).

^{17*} Ср.: (Поссевино, 1983, с. 62).

^{18*} См.: (Алексеев, 1998а, с. 62; Сказания..., 1842, с. 176).

^{19*} В переводе использовано соответствующее выражение из статьи Алексеева «Русский народ и государство», опубликованной в журнале «Путь» (1927, № 8) (Алексеев, 1998б, с. 76).

^{20*} Этот абзац, как предыдущий и последующий, почти дословно воспроизводит соответствующие абзацы из статьи: (Алексеев, 1998б, с. 77–78; см. также: Alexeev, 1937, S. 9–10). Приводимые здесь пословицы заимствованы, вероятно, у Тихомирова (Тихомиров, 1905, с. 46–48), который, в свою очередь, использовал собрание В. И. Даля (см.: Даль, 1862, с. 244–246).

^{21*} Весь фрагмент с начала этого абзаца почти дословно воспроизводит соответствующие строки из статьи: (Алексеев, 1998б, с. 78). Источник первой в этом абзаце цитаты установить не удалось.

^{22*} Начиная с этой пословицы текст до конца абзаца почти дословно представлен в статье: (Алексеев, 1998б, с. 82–83).

^{23*} Эта поговорка у Тихомирова и Даля приведена несколько иначе: «Душа — Божья, тело царское, а спина барская» (Тихомиров, 1905, с. 192; курсив мой. — Н.Д.; ср.: Даль, 1862, с. 315).

^{24*} См.: (Симони, 1899, с. 131).

^{25*} Роман был написан в 1903–1904 гг., опубликован в 1905 г. и составляет последнюю часть трилогии «Христос и Антихрист».

^{26*} В источнике — чиновник особых поручений (Показание..., 1860, с. 219).

^{27*} Цитата передается в переводе с немецкого, поскольку была явно отредактирована Алексеевым для немецкого издания. Ср.: «Императором Александра Николаевича не признаю, а признаю его царем. <...> Титул император значит Перун, Титан или Дьявол; герб двуглавого орла есть тоже дьявольский... Благочестивейшими и благоверными царя и всю царскую семью признаю тогда, когда они... освободят нас, верующих в древнюю церковь и страждущих в заточении, от вашего ложного трехперстного духовенства...

^{16*} Cf. Alexeev (1937, p. 8).

^{17*} Cf. Possevino (1586, p. 29; 1977, p. 27).

^{18*} Fennell (1963, p. 59), cf. Alekseev (1998а, p. 62) and Ustryalov (1842, p. 176).

^{19*} The translation uses the corresponding phrase from Alekseev's article "The Russian People and the State", published in the journal "Put", 1927, no. 8 (see Alekseev, 1998b, p. 76).

^{20*} This paragraph, like the preceding and following ones, reproduces almost verbatim the corresponding paragraphs from Alexeev's Russian-language article (1998b, pp. 77-78; see also Alexeev, 1937, pp. 9-10). The proverbs cited here were probably borrowed from Tikhomirov (1905, pp. 46-48), who in turn used the collection of Vladimir I. Dal (1862, pp. 244-246).

^{21*} The entire passage from the start of this paragraph also reproduces the relevant lines from the article almost word for word: (Alekseev, 1998b, p. 78). It has not been possible to identify the source of the first quotation in this paragraph.

^{22*} From this proverb onwards, the text up to the end of the paragraph is reproduced almost verbatim in the article: (Alekseev, 1998b, pp. 82-83).

^{23*} This saying is quoted slightly differently by Tikhomirov (1905, p. 192) and Dal (1862, p. 315): "The soul belongs to God, the body to the tsar, and the back to the master" (my italics — N.D.).

^{24*} Cf. Simoni (1899, p. 131).

^{25*} The novel was written in 1903–1904, published in 1905, and forms the final part of the trilogy *Christ and the Antichrist*.

^{26*} According to the source — an official with special assignments (Kelsiev, 1860, p. 219).

^{27*} The quotation is in Alekseev's version, prepared specifically for the German edition. Cf. "I do not recognise Alexander Nikolaevich as Emperor, but I do recognise him as Tsar. [...] The title emperor signifies Perun, Titan or the Devil; the coat of arms of the double-headed eagle is also devilish [...]. I shall recognise the tsar and the entire royal family as most righteous and faithful when they [...] free us, believers in the ancient church and those suffering in captivity, from your false three-fingered clergy [...]. Civil laws were not created by the tsar, but by the authorities; the tsar signed them solely out of fear and concern for his own life; and therefore I consider these laws to be false and unlawful; I recognise the *Stoglav* [i.e. Book of Hundred Chapters] Law of Ivan the Terrible. [...] There are now absolutely no rulers over us, the true believers, whereas before there were boyars and voivodes. As for your Senate — it is a devilish committee" (Kelsiev, 1860, pp. 220-221; cf. Alekseev, 1998b, p. 81).

<...> Законы гражданские созданы не царем, а начальством; царем же подписаны из одной боязни и опасения за свою жизнь; а поэтому я эти законы считаю ложными и незаконными, я признаю Стоглавный <sic!> закон Иоанна грозного. <...> Начальников над нами, правоверными, ныне вовсе нет никаких, а прежде были бояре и воеводы. Сенат же ваш — есть дьявольский комитет» (Показание..., 1860, с. 220–221; ср.: Алексеев, 1998б, с. 81).

^{28*} Текст начиная с этого абзаца и до слов «...не построишь никакого государственного порядка» на с. 193 во многом повторяет изложенное в статье: (Алексеев, 1998б, с. 100–107). В переводе при совпадении высказываний использован текст русскоязычной статьи. Этот же фрагмент перепечатан Алексеевым в другой немецкоязычной статье (в разделе V «Революционные идеалы»), приближен к тексту указанной выше русскоязычной статьи и снабжен примечаниями, частично новыми, со ссылками на исследования немецких русистов – Артура Лютера, Бернхарда Штерна и Карла Хайнриха фон Буссе (см.: Alexeev, 1937, S. 45–53).

^{29*} Цитата восстановлена по исследованию: (Антонович, 1863, с. XXV). См. также эту и следующие цитаты из исследования Антоновича: (Алексеев, 1998б, с. 100).

^{30*} Цитата уточнена по: (Антонович, 1863, с. LXXIV–LXXV).

^{31*} Цитата дается по: (Антонович, 1863, с. LXXIV).

^{32*} В русскоязычной статье Алексеев уточняет, что под установленными правами личности имеет в виду права, как их понимал Ж.-Ж. Руссо, то есть установленные в результате общественного договора, включая право собственности, а под естественными — права человека в их понимании Дж. Локком (см.: Алексеев, 1998б, с. 100).

^{33*} См.: (Фирсов, 1922, с. 281). Алексеев дает ссылку на эту работу в своей русскоязычной статье, но указывает неверную страницу (см.: Алексеев, 1998б, с. 118).

^{34*} Алексеев здесь ссылается на разные версии былины «Илья Муромец и Соловей Разбойник» из собрания А. Ф. Гильфердинга (Онежские..., 1873, стб. 16–21, 298–303, 439–445; см.: Алексеев, 1998б, с. 118).

^{35*} Алексеев опирается на былины «Илья Муромец и идолище» (Онежские..., 1873, стб. 22–24, 129–131, 236–242) и «Добрыня Никитич» (см.: Алексеев, 1998б, с. 118), правда, на указанных им страницах, точнее, в столбцах нет упоминаний Царьграда, но есть на соседних: (Онежские..., 1873, стб. 42, 495). В подтверждение

^{28*} The text from this paragraph up to the words “...might well be established, but no form of state order” on p. 193 largely repeats the content of the article: (Alekseev, 1998b, pp. 100-107). This same passage is reprinted by Alekseev in his other German-language article (see Section V: “Revolutionary Ideals” in Alexeev, 1937, pp. 45-53), closely following the text of the Russian-language article mentioned above and accompanied by notes, some of which are new, with references to the research of German specialists on Russia: Arthur Luther, Bernhard Stern, and Karl Heinrich von Busse.

^{29*} The quotation has been reconstructed based on Vladimir B. Antonovich (1863, p. XXV). See also this, and the following quotations from Antonovich’s study, in Alekseev (1998b, p. 100).

^{30*} Cf. Antonovich (1863, pp. LXXIV-LXXV).

^{31*} Cf. Antonovich (1863, p. LXXIV).

^{32*} In his Russian-language article, Alekseev (1998b, p. 100) clarifies that by *established* individual rights, he means rights as understood by Jean-Jacques Rousseau, i.e. those established through a social contract, including the right to property; whilst by *natural* rights, he means human rights as understood by John Locke.

^{33*} See Firsov (1922, p. 281). Alekseev cites this work in his Russian-language article, but gives the wrong page number (see Alekseev, 1998b, p. 118).

^{34*} Here, Alekseev (1998b, p. 118) refers to various versions of the epic poem, “Ilya Muromets and the Nightingale the Robber” from the collection by Alexander F. Gilferding (1873, pp. 16-21; 298-303; 439-445).

^{35*} Alekseev refers to the epic tales, “Ilya Muromets and the Idol” (see Gilferding, 1873, col. 22-24; 129-131; 236-242) and “Dobrynya Nikitich” (Alekseev, 1998b, p. 118); however, on the pages — or, more precisely, in the columns — he cites there are no mentions of Tsargrad (i.e. Constantinople), though they do appear in the adjacent ones (Gilferding, 1873, col. 42, 495). In support of Alekseev’s thesis, see also the various versions of “The Tale of the Russian Bogatyrs” in the collection: (Astakhov, 1960, pp. 148-165).

^{36*} Cf. Gilferding (1873, col. 299).

^{37*} A quote from the epic tale, “Ilya Muromets and Tsar Kalin”, cf. Gilferding (1873, col. 304).

^{38*} Cf. Gilferding (1873, col. 21).

^{39*} Cf. Gilferding (1873, col. 447).

^{40*} Cf. Gilferding (1873, col. 451).

^{41*} Cf. Rybnikov (1864, p. 210).

^{42*} Cf. Gilferding (1873, col. 234).

тезиса Алексеева см. также разные версии «Сказания о русских богатырях» в сборнике: (Былины..., 1960, с. 148–165).

^{36*} Цитата дается по источнику: (Онежские... 1873, стб. 299).

^{37*} Цитата из былины «Илья Муромец и Калин царь» дается по источнику: (Онежские..., 1873, стб. 304).

^{38*} Цитата дается по источнику: (Онежские... 1873, стб. 21).

^{39*} Цитата дается по источнику: (Онежские..., 1873, стб. 447).

^{40*} Цитата дается по источнику: (Онежские..., 1873, стб. 451).

^{41*} Цитата дается по источнику: (Песни..., 1864, с. 210).

^{42*} Цитата дается по источнику: (Онежские..., 1873, стб. 234).

^{43*} Цитата передается по статье: (Алексеев, 1998б, с. 106). В предложениях, предшествующих данной цитате, и в самой цитате Алексеев передает близко к тексту фрагмент былины «Илья в споре с Владимиром» (Онежские..., 1873, стб. 234–236).

^{44*} Вероятно, Алексеев имеет в виду Лжедмитрия III, или Псковского вора, которому в марте 1612 г. присягнуло первое народное ополчение под командованием атамана И. М. Заруцкого и князя Д. Т. Трубецкого. См. сочинения С. Ф. Платонова и Н. Н. Фирсова (Платонов, 1901, с. 417; Фирсов, 1918, с. 20), которые упоминаются на первых страницах русскоязычной статьи и в примечаниях к ним (см.: Алексеев, 1998б, с. 75, 77, 116).

^{45*} Неизвестно, на какое сочинение опирается здесь Алексеев. Н. И. Костомаров так описывает этот сюжет: Стенька Разин «распустил слух, будто с ним находится царевич Алексей и низверженный патриарх Никон. Посланцы Стеньки... ополчали православных за гонимого патриарха и в то же время разжигали вражду старообрядцев против новшеств, введенных этим патриархом» (Костомаров, 1991, с. 338). Эти события относятся к осени 1668 г. (см.: Маньков, 1975, с. 6), когда Никон после отказа от патриаршества (1658) и извержения из сана (1666) находился в ссылке в Ферапонтовом Белозерском монастыре. О возможной связи Никона с казаками Разина см. также сочинения, которыми пользовался Алексеев: (Иконников, 1869, с. 502, примеч. 2; Соловьев, 1861, с. 388–390).

^{46*} Казачье восстание, которое возглавил бахмутский сотник Кондратий Булавин, вспыхнуло в октябре 1707 г. из-за указа Петра I сыскивать и возвращать

^{43*} Cf. Alekseev (1998b, p. 106). In the sentences preceding this quotation and in the quotation itself, Alekseev reproduces a passage from the epic tale “Ilya’s Quarrel with Vladimir” that is faithful to the original text (cf. Gilferding, 1873, col. 234–236).

^{44*} Alekseev is likely referring to False Dmitry III, or the ‘Thief of Pskov’, to whom the first popular militia, under the command of Ataman Ivan M. Zarutsky and Prince Dmitry T. Troubetskoy, swore allegiance in March 1612. See the works of Sergey F. Platonov (1901, p. 417) and Nikolai N. Firsov (1918, p. 20), which Alekseev (1998b, pp. 75, 77, 116) mentions in the opening pages of his article, “The Russian People and the State”, and in the notes thereto.

^{45*} It is unclear which work Alekseev is referring to here. Nikolai I. Kostomarov (1991, p. 338) describes this episode as follows: Stenka Razin “spread the rumour that Tsarevich Alexei [1654–1670, the second son and heir of Tsar Alexei Mikhailovich] and the deposed Patriarch Nikon were with him. Stenka’s emissaries [...] roused the Orthodox to support the persecuted patriarch and at the same time stirred up the Old Believers’ hostility against the innovations introduced by this patriarch.” These events date to the autumn of 1668 (see Mankov, 1975, p. 6), when Nikon, following his resignation from the patriarchate (1658) and his defrocking (1666), was in exile at the Ferapontov Monastery in Belozersk. On Nikon’s possible connection with Razin’s Cossacks, see also the works consulted by Alekseev: (Ikonnikov, 1869, p. 502n2; Solovyov, 1861, pp. 388–390).

^{46*} The Cossack uprising, led by Kondraty Bulavin (1667–1708), a *sotnik* from Bakhmut, broke out in October 1707 in response to Peter the Great’s decree ordering the search for and return of peasants who had fled to the Cossacks on the Don because of increased labour duties. It was crushed by November 1708, and Bulavin himself fell on 7 July 1708 near Azov.

^{47*} In his Russian-language article, Alekseev (1998b, p. 108) makes no mention of the Bogomils, but refers to the Russian ‘version’ of this movement – the Strigolniki – and directs the reader to a work by Vladimir S. Ikonnikov (see *ibid.*, p. 118), where one may find reflections on the ideological connection between the Bogomils, the Strigolniki and the Judaizers. See Ikonnikov (1869, pp. 376–380, 389–399, 455n4). In his German-language article of 1937, Alekseev on pp. 13–15 almost entirely reproduces the text of this article (cf. Alexejew, 1931, pp. 326–327) and provides references to Karl Konrad Grass’s two-volume work on Russian sects, and Nathanael Bonwetsch’s review of it. These authors, who were of Baltic German origin, emphasised the need to

крестьян, бежавших из-за возросших повинностей к казакам на Дон. Оно было разгромлено к ноябрю 1708 г., а сам Булавин погиб 7 июля 1708 г. под Азовом.

^{47*} В русскоязычной статье Алексеев не упоминает богомилов, а указывает русскую «версию» этого движения — стригольников (Алексеев, 1998б, с. 108) — и отсылает читателя к сочинению В. С. Иконникова (см.: Там же, с. 118), где можно найти размышления об идейной связи богомилов, стригольников и жидовствующих. См.: (Иконников, 1869, с. 376—380, 389—399, 455, примеч. 4 и др.). В немецкоязычной статье Алексеев на с. 13—15 почти полностью повторяет текст настоящей статьи (ср.: Alexejev, 1931, S. 326—327) и дает ссылки на двухтомный труд К. К. Грасса о русских сектах и рецензию на него Н. Бонвеча. Эти авторы, происходившие из балтийских немцев, подчеркивали необходимость исследования старообрядчества и сектантства в России для понимания специфики ее исторического развития в Новое время (Alexejev, 1937, S. 13, Anm. 1; Grass, 1907, S. IV, Anm. 1; Bonwetsch, 1906, S. 1043).

^{48*} См.: (Мельников, 1860, с. 195—197; ср.: Алексеев, 1998б, с. 108, 118).

^{49*} Цитата приводилась в переводе с немецкого. Ср.: «...аще кто слышется силен быти, да борется с сатаною, не ослабляя церковных жил, страшливи же да бегают» (Выписка..., 1862, с. 269; Алексеев, 1998б, с. 108). В примечании к русскоязычной статье Алексеев в качестве источника этой цитаты называет исследование П. С. Смирнова (Смирнов, 1909), но не указывает номер страницы (Алексеев, 1998б, с. 119). Это цитата из сочинения «Цветник» старообрядца Евфимия (1743/44—1792), организатора беспоповского согласия странников (бегунов) (см.: Гурьянова, 2008); Евфимий в ней ссылается на св. Кирилла Иерусалимского (315—387).

^{50*} См. «Увещание бегать и таиться» в приложении в книге: (Смирнов, 1909, с. 020, 023).

^{51*} В немецкоязычной статье Алексеев уточняет: «...с установкой (*Gesinnung*) восточной православной церкви» (Alexejev, 1937, S. 14).

^{52*} См.: (Смирнов, 1909, с. 334; Алексеев, 1998б, с. 109, 119, примеч. 90).

^{53*} Цитата дается по источнику: (Смирнов, 1909, с. 339; ср.: Алексеев, 1998б, с. 109, 119, примеч. 91).

^{54*} См. «Бегунские стихи», собранные В. И. Срезневским (Материалы..., 1908, с. 231; ср.: Алексеев, 1998б, с. 109, 119, примеч. 92).

study Old Belief and sectarianism in Russia in order to understand the specific nature of its historical development in the Modern Era (Alexejev, 1937, p. 13n1; Grass, 1906, p. IVn1; Bonwetsch, 1907, p. 1043).

^{48*} See Melnikov (1860, pp. 195-197), cf. Alekseev (1998b, pp. 108, 118).

^{49*} The quotation is given here in translation from the German. Cf. “[...] and if anyone feels strong enough, let them fight against Satan without weakening the bonds of the Church; as for the fearful, *let them flee*” (Kelsiev, 1862, p. 269; Alekseev, 1998b, p. 108). This is a quotation from the work “*Tsvetnik* [Flower Garden]” by the Old Believer Evfimiy (Euthymius) (1743/44—1792), organiser of the priestless community of wanderers (*beguns*) (see Guryanova, 2008); and with these words Euthymius refers to St. Cyril of Jerusalem. In a note to his Russian-language article, Alekseev (1998b, p. 119) cites Petr S. Smirnov’s study (1909) as the source from which he took this quotation, but does not specify the page number.

^{50*} See “An Exhortation to Flee and Hide” in the appendix to the monograph by Smirnov (1909, pp. 020, 023).

^{51*} In his German-language article, Alekseev clarifies: “[...] with the mindset (*Gesinnung*) of the Eastern Orthodox Church” (Alexejev, 1937, p. 14).

^{52*} See Smirnov (1909, p. 334), cf. Alekseev (1998b, pp. 109, 119n90).

^{53*} See Smirnov (1909, p. 339), cf. Alekseev (1998b, p. 109, 119n91).

^{54*} See “Begun Poems”, collected by Vyacheslav I. Sreznevsky (Bonch-Bruevich, 1908, p. 231; cf. Alekseev, 1998b, pp. 109, 119n92).

^{55*} The name of the Arctic Ocean prior to 1935.

^{56*} The Russian writers Nikolai S. Leskov (1831—1895) and Pavel I. Melnikov (alias Pechersky) (1818—1883), and the painter Mikhail V. Nesterov (1862—1942) are also mentioned by Alekseev in his later German-language article, with references to existing translations of works by Leskov and Melnikov-Pechersky into German (see Alexejev, 1937, p. 15).

^{57*} Cf. Smirnov (1909, p. 358) and Alekseev (1998b, pp. 110, 119n94).

^{58*} Cf. “What will happen? What form will the movement take? Who will lead it? [...] If it is Pugachev, then may God grant that he possesses Pestel’s political genius, for without it he will drown Russia — and, perhaps, Russia’s entire future — in blood. If it is Pestel, then let him be a man of the people, like Pugachev, for otherwise the people will not tolerate him. Or perhaps neither Pestel, nor Pugachev, nor Romanov, but the Zemsky Sobor will save Russia” (Bakunin, 1862, p. 46).

^{59*} The quatrain by Fyodor I. Tyutchev (1803-1873), written in 1866. Here is the translation by Frank Jude.

^{55*} Название Северного Ледовитого океана до 1935 г.

^{56*} Русские писатели Николай Семенович Лесков (1831–1895) и Павел Иванович Мельников-Печерский (1818–1883) и художник Михаил Васильевич Нестеров (1862–1942) упоминаются Алексеевым и в более поздней немецкоязычной статье с указанием имеющихся переводов сочинений Лескова и Мельникова-Печерского на немецкий язык (см.: Alexejev, 1937, S. 15).

^{57*} Цитата уточнена по: (Смирнов, 1909, с. 358; ср.: Алексеев, 1998б, с. 110, 119, примеч. 94).

^{58*} Ср.: «Что будет, какую форму примет движение, кто станет во главе его? <...> Если Пугачев, то дай бог, чтоб в нем нашелся политический гений Пестеля, потому что без него он утопит Россию и, пожалуй, всю будущность России в крови. Если Пестель, то пусть будет он человеком народным, как Пугачев, ибо иначе его не потерпит народ. А может быть ни Пестель, ни Пугачев, ни Романов, а Земский Собор спасет Россию» (Бакунин, 1862, с. 46).

^{59*} Ф. И. Тютчев, «Умом Россию не понять...» (1866).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00651 «Онтология нации в русском неокантианстве», <https://rscf.ru/project/24-18-00651/>.

Список литературы

Алексеев Н. Н. Христианство и идея монархии // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 1998а. С. 48–67.

Алексеев Н. Н. Русский народ и государство // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 1998б. С. 68–119.

Антонович В. Б. Исследование о козачестве по актам с 1500 по 1648 год. Киев : В тип. И. и А. Давиденко, 1863.

Бакунин М. А. Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель? Лондон : Trübner & Co., 1862.

Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / отв. ред. А. М. Астахова. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1960.

Выписка из Цветника Евфимия // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. И. Кельсиевым. Лондон : Trübner & Co. ; Вольная русская тип., 1862. Вып. 4. С. 259–270.

Гурьянова Н. С. Евфимий // Православная энциклопедия. М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2008. Т. 17. С. 411–414.

The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-18-00651 “Ontology of the Nation in Russian Neo-Kantianism”, <https://rscf.ru/project/24-18-00651/>.

References

Alekseev, N. N., 1998a. Christianity and the Idea of Monarchy. In: N. N. Alekseev, 1998. *Russkiy narod i gosudarstvo* [The Russian People and the State]. Moscow: Agraf, pp. 48-67. (In Rus.)

Alekseev, N. N., 1998b. The Russian People and the State. In: N. N. Alekseev, 1998. *Russkiy narod i gosudarstvo* [The Russian People and the State]. Moscow: Agraf, pp. 68-119. (In Rus.)

Alexejev, N. N., 1937. Das russische Volk und der Staat. In: N. Alexejev, N. Berdjajev, S. Bulgakov et al., 1937. *Kirche, Staat und Mensch. Russisch-orthodoxe Studien*. Genf: Forschungsabteilung des Oekumenischen Rates für Praktisches Christentum, pp. 5-54.

Alexejev, N. N., 1931. Der Ursprung der politischen Ideale des russischen Volkes. *Osteuropa*, 6(6), pp. 313-328.

Antonovich, V. B., 1863. *Issledovanie o kozachestve po aktam s 1500 po 1648 god* [A Study of the Cossacks Based on Documents from 1500 to 1648]. Kiev: I. and A. Davidenko. (In Rus.)

Astakhov, A. M., ed. 1960. *Byliny v zapisyakh i pereskazakh XVII–XVIII vekov* [Epics in 17th–18th-Century Records and Retellings]. Moscow & Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press. (In Rus.)

Bakunin, M. A., 1862. *Narodnoe delo. Romanov, Pugachev ili Pestel?* [The People's Cause: Romanov, Pugachev, or Pestel?]. London: Trübner & Co. (In Rus.)

Bonch-Bruevich, V. D., ed. 1908. *Materialy k istorii i izucheniyu russkogo sektantstva i raskola*. Vyp. 1. *Baptisty. Beguny. Duhobortsy. L. Tolstoi o skopchestve. Pavlovtsy. Pomortsy. Starobryadtsy. Skoptsy. Shtundisty* [Materials on the History and Study of Russian Sectarianism and Schisms. Volume 1. Baptists. Beguns. Dukhobors. Leo Tolstoy on the Skoptsy. Sectarians of Pavlovka. Pomorians. Old Believers. Skoptsy. Stundists]. St. Petersburg: B. M. Volf. (In Rus.)

Bonwetsch, N., 1906. (Rez.) Karl Konrad Grass, Die russischen Sekten. 1. Bd.: Die Gottesleute (Chlüsten). 1. Lief.: Die Legende der Gottesleute auf ihre Glaubwürdigkeit untersucht. 2. Lief.: Geschichte und Lehre der Gottesleute. Leipzig, J. C. Hindrichs, 1905/6. S. 1–352. 8°. M. 2 u. 5. *Deutsche Literaturzeitung*, 17, col. 1043-1045.

Dal, V. I., *Poslovicy russkogo naroda. Sbornik poslovits, pogovorok, recheniy, prisloviy, chistogovorok, pribautok, zagadok, poveriy i proch.* [Proverbs of the Russian People. A Collection of Proverbs, Sayings, Adages, Rhymes, Riddles, Beliefs etc.]. Moscow: University Press. (In Rus.)

Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М. : В Университетской тип., 1862.

Дьяконов М. А. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI века. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889.

Зиновий. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань : В Университетской тип., 1863.

Иконников В. С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев : В Университетской тип., 1869.

Иосиф Волоцкий. Просветитель / предисл. митр. Иоанн (Снычев) ; отв. ред., авт. послесл. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011.

Козлова А. А. Образ Испании в исторической и документальной русской прозе XV–XVIII вв. // Новый филологический вестник. 2015. № 4 (35). С. 164–173.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Репринтное воспроизведение издания 1873–1888 гг. М. : Книга, 1991. Кн. 2 (вып. 5).

Маньков А. Г. Первый отклик на восстание С. Разина // Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования / под ред. А. Г. Манькова. Л. : Наука, Ленингр. отд., 1975. С. 5–7.

Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / под ред. В. Д. Бонч-Бруевича. СПб. : Тип. Б. М. Вольфа, 1908. Вып. 1 : Баптисты. Бегуны. Духоборцы. Л. Толстой о скопчестве. Павловцы. Поморцы. Старообрядцы. Скопцы. Штундисты.

Мельников[-Печерский П. И.] Записка о русском расколе, составленная для в.к. Константина Николаевича по поручению Ланского (1857) // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. И. Кельсиевым. Лондон : Trübner & Co. ; Вольная русская тип., 1860. Вып. 1. С. 167–198.

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1873.

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск : В губернский тип., 1864. Ч. 3 : Народные былины, старины, побывальщины и песни.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). 2-е изд. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1901.

Diakonov, M. A., 1889. *Vlast' moskovskikh gosudarei. Ocherki iz istorii politicheskikh idei drevnei Rusi do kontsa XVI veka* [The Authority of the Moscow Rulers: Essays on the History of Political Ideas in Old Russia up to the End of the 16th Century]. St. Petersburg: I. N. Skorokhodov. (In Rus.)

Fennell, J. L. I., ed. 1963. *Correspondence between Prince of A.M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia, 1564–1579*. Translation and Notes by J. L. I. Fennell. Cambridge: Cambridge University Press.

Firsov, N. N., 1918. *Smuta i narod na Rusi v nachale XVII veka* [The Time of Troubles and the People in Russia in the Early 17th Century]. Moscow: A. I. Mamontov. (In Rus.)

Firsov, N. N., 1922. *The History of the Zaporozhian Cossacks by Evarnytsky. Volume One*. With illustrations. Second revised and expanded edition. Moscow. 1900. (Review for the Faculty of History and Philology). In: N. N. Firsov, 1922. *Istoricheskie kharakteristiki i eskizy (1890–1920 gg.)* [Historical Sketches and Essays (1890–1920)]. Volume 2. Kazan: Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic State Press, pp. 276–286. (In Rus.)

Gilferding, A. F., ed. 1873. *Onezhskie byliny, zapisannyye letom 1871 goda* [The Onega Epics, Recorded in the Summer of 1871]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press. (In Rus.)

Grass, K. K., 1907. *Die russischen Sekten. In 2 Volumes. Volume 1*. Leipzig: J.C. Hinrichs.

Guryanova, N. S., 2008. Evfimiy. In: Kirill the Patriarch, ed. 2008. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopaedia]. Volume 17. Moscow: "Pravoslavnyaya entsiklopediya", pp. 411–414. (In Rus.)

Ikonnikov, V. S., 1869. *Opyt issledovaniya o kul'turnom znachenii Vizantii v russkoy istorii* [A Study of the Cultural Significance of Byzantium in Russian History]. Kiev: University Press. (In Rus.)

Joseph Volotsky, 2011. *Prosvetitel'* [The Enlightener]. Preface by Metropolitan Ioann (Snychev), edited by O. A. Platonov. Moscow: Institut russkoj civilitsacii. (In Rus.)

Kelsiev, V. I., ed. 1860. A Testimony of a Fedoseyan (1855) In: V. I. Kelsiev, ed. 1860. *Sbornik pravitelstvennykh svedeniy o raskolnikakh* [A Collection of Government Information on Schismatics]. Volume 1. London: Trübner & Co.; Free Russian Press, pp. 217–221. (In Rus.)

Kelsiev, V. I., ed. 1862. Excerpt from Euthymius's "Flower Garden". In: V. I. Kelsiev, ed. 1862. *Sbornik pravitelstvennykh svedeniy o raskolnikakh* [A Collection of Government Information on Schismatics]. Volume 4. London: Trübner & Co.; Free Russian Press, pp. 259–270. (In Rus.)

Показание федосеевца (1855) // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. И. Кельсиевым. Лондон : Trübner & Co. ; Вольная русская тип., 1860. Вып. 1. С. 217–221.

Послания Иосифа Волоцкого / подгот. текста А. А. Зими́на, Я. С. Лурье. М. ; Л. : Изд-во Академии наук, 1959.

Послания старца Филофея / подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 2000. Т. 9 : Конец XIV – первая половина XVI века. С. 291–305.

Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983.

Робинсон М. А., Досталь М. Ю. Лекция Е.Ф. Шмурло «Москва – Третий Рим» // Славяноведение. 1997. № 5. С. 52–66.

Симони П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1899. Вып. 1, I–II.

Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М. : Индрик, 1998.

Сказания князя Курбского / под ред. Н. Г. Устрялова. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : В тип. Императорской академии наук, 1842.

Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1909.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб. : Издатель И. И. Глазунов, 1861. Т. 11 : История России в царствование Алексея Михайловича, т. 2.

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М. : Университетская тип., 1905. Ч. 3 : Русская государственность.

Фирсов Н. Н. Смута и народ на Руси в начале XVII века / Моск. об-во исслед. памятников древности им. А. И. Успенского при Моск. археол. ин-те. М. : [Т-во тип. А. И. Мамонтова], 1918.

Фирсов Н. Н. История запорожских казаков Эварницкого. Т. 1. С рис. 2-е испр и доп. изд. Москва. 1900 г. (Отзыв в историко-филологический факультет) // Фирсов Н. Н. Исторические характеристики и эскизы (1890–1920 гг.). Казань : Гос. Изд-во Авт. Тат. С. С. Республики, 1922. Т. 2. С. 276–286.

Khrushchov, I. P., 1868. *Issledovanie o sochineniakh Iosifa Sanina, prep. igumena Volotskogo* [A Study of the Writings of Joseph Sanin, the Venerable Hegumen of Volotsk]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press. (In Rus.)

Kolesov, V. V., ed. 2000. *Starets Filofei's Epistles*. In: D. S. Likhachev, L. A. Dmitriev, A. A. Alekseev and N. V. Ponyrko, eds. 2000. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of the Literature of Old Russia]. Volume 9: Late 14th – First Half of the 16th Century. St. Petersburg: "Nauka", pp. 291-305. (In Rus.)

Kostomarov, N. I., 1991. *Russkaja istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1873 – 1888 gg.* [Russian History as Told through the Biographies of Its Leading Figures. A Reprint of the 1873 – 1888 Edition]. Book II (Part 5). Moscow: "Kniga". (In Rus.)

Kozlova, A. A., 2015. The Image of Spain in Documental and Historical Russian Prose of 15th–18th Centuries. *The New Philological Bulletin*, 4(35), pp. 164-173. (In Rus.)

Mankov, A. G., 1975. The First Reaction to Stepan Razin's Uprising. In: A. G. Mankov, ed. 1975. *Inostrannye izvestiya o vosstanii Stepana Razina. Materialy i issledovaniya* [Foreign Accounts of Stepan Razin's Uprising. Materials and studies]. Leningrad: "Nauka", Leningr. otd., pp. 5-7. (In Rus.)

Melnikov, P. I., 1860. A Memorandum on the Russian Schism, Written for Grand Duke Konstantin Nikolaevich at the Behest of Lansky (1857). In: V. I. Kelsiev, ed. 1860. *Sbornik pravitelstvennykh svedenii o raskolnikakh* [A Collection of Government Information on Schismatics]. Volume 1. London: Trübner & C°; Free Russian Press, pp. 167-198. (In Rus.)

Platonov, S. F., 1901. *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. (Opyt izucheniya obshhestvennogo stroya i soslovykh otnoshenii v Smutnoe vremya)* [Essays on the History of the Time of Troubles in the Moscow State in the 16th–17th Centuries (An Examination of the Social Order and Class Relations during the Time of Troubles)]. Second Edition. St. Petersburg: I. N. Skorokhodov. (In Rus.)

Possevino, A., 1586. *Moscovia*. Vilnae: In Lituania apud Ioannem Velicensem.

Possevino, A., 1977. *The Moscovia*. Translated, with Critical Introduction and Notes by H. F. Graham. Pittsburgh: University Center for International Studies.

Robinson, M. A. and Dostal, M. Yu., 1997. Lecture by E. F. Shmurlo "Moscow – The Third Rome". *Slavianovedenie* [Slavic Studies], 5, pp. 52-66. (In Rus.)

Rybnikov, P. N., ed. 1864. *Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym. Ch. 3: Narodnye byliny, stariny, pobyvalshchiny i pesni* [Songs, Collected by P. N. Rybnikov. Part 3: Folk Epics, Old Tales, Stories and Songs]. Petrozavodsk: Provincial Press. (In Rus.)

Хрущов И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преп. игумена Волоцкого. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1868.

Шмурло Е. Ф. История России, 862–1917. Мюнхен : Град Китеж, 1922.

Alexejev N. N. Das russische Volk und der Staat // Kirche, Staat und Mensch. Russisch-orthodoxe Studien. Genf : Forschungsabteilung des Oekumenischen Rates für Praktisches Christentum, 1937. S. 5–54.

Alexejev N. N. Der Ursprung der politischen Ideale des russischen Volkes // Osteuropa. 1931. Bd. 6, № 6 (März). S. 313–328.

Bonwetsch N. [Rez.]. Karl Konrad Grass, Die russischen Sekten. Bd. 1 : Die Gottesleute (Chlūsten). 1. Lief.: Die Legende der Gottesleute auf ihre Glaubwürdigkeit untersucht. 2. Lief.: Geschichte und Lehre der Gottesleute. Leipzig, J. C. Hindrichs, 1905/6. S. 1–352. 8°. M. 2 u. 5 // Deutsche Literaturzeitung. 1906. № 17 (28. April). Sp. 1043–1045.

Grass K. K. Die russischen Sekten : in 2 Bdn. Leipzig : J. C. Hinrichs, 1907. Bd. 1.

О переводчике и авторе примечаний

Нина Анатольевна Дмитриева, доктор философских наук, Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: NDmitrieva@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-0321>

Для цитирования:

Алексеев Н. Н., Дмитриева Н. А. Николай Алексеев: Происхождение политических идеалов русского народа // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 4. С. 177–207.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-4-7>

© Дмитриева Н. А., 2025.

Shmurlo, E. F., 1922. *Istoriya Rossii [History of Russia]*, 862–1917. Munich: “Grad Kitezh”. (In Rus.)

Simoni, P. K., ed. 1899. *Starinnye sborniki russkikh poslovits, pogovorok, zagadok i proch. XVII – XIX stoletiy [Antique Collections of Russian Proverbs, Sayings, Riddles etc. from the 17th to the 19th Centuries]*. Volume 1, Part I–II. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press. (In Rus.)

Sinitsyna, N. V., 1998. *Tretiy Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.) [The Third Rome: Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15th–16th Centuries)]*. Moscow: Indrik. (In Rus.)

Smirnov, P. S., 1909. *Spory i razdeleniya v russkom raskole v pervoi chetverti XVIII v. [Disputes and Divisions within the Russian Schism in the First Quarter of the 18th Century]*. St. Petersburg: M. Merkushev. (In Rus.)

Solovyev, S. M., 1861. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. T. 11: Istoriya Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailoviicha, t. 2 [A History of Russia from Ancient Times. Volume 11: A History of Russia during the Reign of Alexei Mikhailovich, Part 2]*. St. Petersburg: I. I. Glazunov. (In Rus.)

Tikhomirov, L. A., 1905. *Monarhicheskaya gosudarstvennost. Ch. 3: Russkaya gosudarstvennost [Monarchical Statehood. Part 3: Russian Statehood]*. Moscow: University Press. (In Rus.)

Ustryalov, N. G., ed. 1842. *Skazaniya kniazya Kurbskogo [The Sayings of Prince Kurbsky]*. Second Edition Revised and Expanded. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press. (In Rus.)

Zimin, A. A. and Lurie, Ya. S., eds. 1959. *Poslaniya Iosifa Volotskogo [Joseph Volotsky's Epistles]*. Moscow & Leningrad: Academy of Sciences Press. (In Rus.)

Zinoviy, 1863. *Istiny pokazanie k voprosivshim o novom uchenii [Truth's Message to Those Who Asked about the New Teaching]*. Kazan: University Press. (In Rus.)

Translated from the German and the Russian
by Nina A. Dmitrieva

The translator and the author of the commentary

Prof. Dr Nina A. Dmitrieva, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: NDmitrieva@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-0321>

To cite this article:

Alekseev, N. N. and Dmitrieva, N. A., 2025. Nikolai N. Alekseev: The Origin of the Russian People's Political Ideals. *Kantian Journal*, 44(4), pp. 177–207. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-4-7>

© Dmitrieva N. A., 2025.